

*А/реф
Б/фа -*

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

На правах рукописи

БОЗРОВ
Владимир Иванович

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРАВОСУДИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
В ПРАКТИКЕ ВОЕННЫХ СУДОВ РОССИИ**

**(теоретические, процессуальные,
криминалистические, этиологические
и организационные аспекты)**

Специальность 12.00.09 —
уголовный процесс, криминалистика,
теория оперативно-розыскной деятельности

*Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
доктора юридических наук*

Екатеринбург 1999

АНУ: Х629.38

Кл. сл.: уголовные дела, правосудие, угол. процесс, военные суды России.

Диссертация выполнена на кафедре уголовного процесса Уральской государственной юридической академии.

военные суды России.

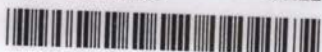
Официальные оппоненты:

доктор юридических наук профессор В. К. Гавло,
доктор юридических наук профессор Г. И. Загорский,
доктор юридических наук профессор В. С. Джатиев

Ведущая организация — Военная коллегия Верховного суда Российской Федерации.

код экземпляра

43222

Защита состоится 23 декабря 1999 года в 15 часов на заседании диссертационного совета по присуждению ученой степени доктора юридических наук Д-12.00.09 в Уральской государственной юридической академии по адресу: 620066 г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, зал заседаний совета.

С диссер
государств

е Уральской

Автор.

7777A

В72

Возров В.М

Современные проблемы
правосудия по уголовным
делам в практике военных
судов России
(теоретические, процессуальн

Ученый
доктор

1999

0-00

хр

7777

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Конец XX века и второго тысячелетия стал переломным не только для социально-экономического, но и правового обустройства России. История доказала, что глобальные общественные эксперименты, приостановившие естественно-поступательное развитие страны и ее судебной системы, приведшие к созданию идеологизированного, классового правосудия, обречены в конечном счете на отмирание вместе с теми насильственными их основами, которые вызрели на идеях диктатуры пролетариата.

Юридическая наука советского периода служила единственной цели — объяснению и оправданию созданной правовой системы как наиболее гуманной, целесообразной и эффективной. Критические исследования ученых, их предложения по совершенствованию сложившегося правосудия либо пресекались на корню, либо не находили поддержки у властей предрержащих.

Изменения, которые произошли в нашей стране в последнее десятилетие, коренным образом изменили общественную мысль в целом и юридическую в частности. Аксиомы и постулаты, легко прилагаемые еще в недавнем прошлом к любым социальным явлениям, в новых условиях оказались непригодными. Судебной практике, которой изначально присущи консерватизм и неразворотливость, все труднее стало давать ясные и однозначные ответы на вновь возникающие вопросы. Частные нормативные новеллы ложатся заплатами на устаревшее «одеяло» советской доктрины правосудия.

Разрыв между устоявшейся судебной системой и новыми общественными потребностями увеличился после принятия в 1993 г. Конституции РФ и включения в правовую систему России международных нормативных актов. В этих условиях со всей остротой встала проблема разработки таких теоретических концепций, в которых были бы по-современному осмыслены роль, место и назначение в обществе судебной системы. Проблема эта особенно злободневна для органов военной юстиции с присущей им спецификой «правосудия в погонах».

Диссертант, более 25 лет проработавший военным судьей и работающий им в настоящее время, по своему опыту знает достоинства и недостатки советского правосудия, а также те «острые углы судопроизводства», которые возникли во времена перестройки. Главный вывод, к которому он пришел в результате своей практической и научной деятельности — необходимость совершенствования сложившейся системы правосудия. Именно этим в первую очередь и объясняется актуальность избранной им темы исследования.

Проблемы правосудия многие века находились в центре внимания выдающихся умов своего времени, занимали видное место среди проблем государственного переустройства. На знаменах сил, идущих к власти, всегда были лозунги, ориентирующие на подлинный демократизм правосудия, в трудах практически всех философов и историков так или иначе затрагивалось правосудие, а К. Маркс и Ф. Энгельс, предвещая гибель государства, оставляли в покое право, без которого правосудия не может быть. Правосудие — предмет конституционного и других отраслей права, научного увлечения многих исследователей, о чем свидетельствует количество посвященных ему работ. Почему же оно волновало и продолжает волновать людские умы?

В самом общем виде ответ на этот сложный и многоаспектный вопрос таков: правосудие тесно соприкасается с нашей жизнью, поскольку испокон веков выполняет великую миссию — охраняет жизнеспособность общества, организует социальное общение. Да, этот ответ носит весьма общий характер, но он играет роль ориентира при определении степени актуальности исследуемых в диссертации проблем правосудия, показывает, какой из них нужно отдать предпочтение, чтобы «правосудие» повернулось к нам новыми смысловыми гранями.

Если исходить из постулата о том, что правосудие обеспечивает жизнеспособность человеческого общества, то в первую очередь нужно определить диапазон правосудия, а если иметь в виду процессуальный аспект, — то его процессуальные границы, а затем уже исследовать другие, производные от этой проблемы.

Диссертант далек от намерения считать работы ученых, которые занимаются исследованиями процессуального диапазона правосудия, необъективными или необоснованными. И все же следует обратить внимание на то, что эта проблема в большин-

стве таких работ решается как-то походя, без достаточной аргументации, а главное, без учета возможных последствий. Сказанное подтверждается хотя бы тем, что многие из этих ученых, отстаивая, по сути, одни и те же позиции в части сущности правосудия, вдруг разительно расходятся в вопросе о его процессуальных границах. Разительность противоречий здесь не может не поражать воображение, но еще разительней то, что все их суждения, на взгляд автора, в большей или меньшей мере далеки от истины.

Ознакомившись с имеющимися на этот счет точками зрения, читатель в лучшем случае окажется в недоумении, поскольку вынужден будет гадать, осуществляется ли по конкретному делу правосудие или оно еще не начиналось, а может быть, вообще уже закончилось.

Конечно, нельзя исключить возможный упрек в адрес диссертанта в том, что он проявляет чуть ли не пуританскую заботу о чистоте теории, поскольку, казалось бы, главное не в названии, а в соблюдении закона и принятии правильного решения. Но дело здесь не в терминах, определяющих суть правосудия. Если бы спор касался сугубо терминологической стороны, можно было бы сказать: «Бог с ними, с этими терминами». Однако правосудие не просто термин. Правосудие — нечто большее, чем деятельность суда по относящимся к его компетенции делам, ибо позволяет судить об уровне совершенства правовой системы в целом, сложившегося правопорядка и правосознания в обществе.

Сказанное полностью относится к правосудию в Вооруженных Силах, поскольку армии как части общества присущи все его качественные состояния. В то же время в силу специфики жизни и деятельности воинского организма, стоящих перед ним целей и задач правосудие в армии помимо общих имеет только ему присущие, частные черты. Это и побудило автора заняться исследованием проблем армейского правосудия в современных условиях.

Объект, предмет и метод исследования. Понимая под объектом исследования всю проблематику военного правосудия, диссертант избрал в качестве его предмета теоретические, нормативно-правовые, криминалистические, организационные и некоторые другие современные проблемы осуществления правосудия по уголовным делам в **военном суде первой инстанции.**

Обращение к данной теме детерминировано объективной, по мнению автора, потребностью в научном анализе и обосновании сущности российского правосудия в целом и правосудия по уголовным делам в частности, судебной власти и диапазона границ правосудия, факторов, обуславливающих неразрывность судебной власти и правосудия, необходимостью исследования уголовно-процессуального законодательства и его соответствия нормам международного права, практики военных судов России с целью решения следующих проблем:

научного обоснования роли и места судов в системе органов государственной власти, определения границ этой власти и механизма ее реализации;

совершенствования российского уголовно-процессуального законодательства;

выработки условий реальной гарантированности независимости судей при отправлении правосудия по уголовным делам;

формулирования предложений по реальному обеспечению права граждан на правосудие по уголовным делам в суде первой инстанции;

разработки рекомендаций по совершенствованию методики работы судьи с уголовным делом в стадии назначения судебного заседания, тактики и методики судебного следствия как в целом, так и по уголовным делам отдельных категорий.

Процессуальные аспекты ряда этих проблем были предметом изучения З. З. Зинатуллина, А. С. Кобликова, Т. Г. Морщаковой, И. Л. Петрухина, В. М. Савицкого, М. С. Строговича. Однако многие теоретические воззрения требуют сегодня переосмысления и дальнейшего развития не только в чисто теоретическом плане, но и для решения практических задач. Так, разноречивые во взглядах ученых на сущность правосудия привели к тому, что определить его границы достаточно сложно. Если к этому прибавить несовершенство норм УПК в данной части, то нетрудно заметить следующее: в ряде случаев судьи явно теряют процессуальную независимость (например, при назначении дела к слушанию, в кассационной инстанции, при реализации контроля за органами предварительного расследования). Разнополярность взглядов ученых, основанная на устаревших нормах УПК, на практике приводит к тому, что в судебном разбирательстве уголовных дел суд зачастую вынужден выполнять не свойственную ему обвинительную функцию. В результате же страдает состязательность, а вслед за

этим под вопрос ставятся беспристрастность судей и правосудность приговора.

Законодательная и научная неопределенность места судов в системе органов власти дает основание по-прежнему считать их частью правоохранительной системы, естественно, с задачей борьбы с преступностью, что не позволяет говорить о беспристрастности и справедливости судебного разбирательства, а в конечном счете ведет к ограничению конституционного права граждан на правосудие.

Эффективность правосудия во многом зависит от того, насколько качественно с процессуально-познавательной и организационно-методической стороны будут осуществлены судебные стадии по рассмотрению уголовного дела по первой инстанции.

Тем или иным аспектам этой проблемы посвятили работы Л. Е. Ароцкер, Г. И. Бушуев, Н. Ф. Волкодаев, В. К. Гавло, А. П. Гуськова, А. А. Давлетов, Г. И. Загорский, М. М. Выдря, Г. М. Побегайло, что бесспорно сыграло заметную роль в совершенствовании судебной деятельности. Однако ряд важнейших проблем и здесь ждут своего решения. В частности, требуют разработки рекомендации судье по изучению уголовного дела и назначению его к слушанию, по осуществлению ряда важнейших процессуальных действий, направленных на доказывание, по применению в судебном следствии данных криминалистики.

Значительный резерв для повышения эффективности судебного следствия — использование достижений юридической психологии, судебной медицины, психиатрии, этиологии и других наук. В военных судах Уральского региона накоплен положительный опыт по их применению, который нуждается в изучении и распространении.

Мы живем во время глобальных правовых реформ, в том числе существенного обновления уголовного процесса, его дальнейшей демократизации и гуманизации. В порядке обсуждения новых теоретических моделей УПК на страницах печати высказались многие видные ученые, работы которых непосредственно связаны с предстоящей реформой уголовно-процессуального права (А. Д. Бойков, В. П. Джатиев, Ю. А. Дмитриев, А. М. Ларин, П. А. Лупинская, И. Л. Петрухин, В. А. Туманов, В. М. Савицкий). В действующий закон уже внесены дополнения и изменения, которые усиливают гарантии прав личности

в уголовном судопроизводстве. В этой связи диссертант с учетом назревших проблем счел возможным высказать свои соображения по совершенствованию уголовно-процессуального права, сформулировать методические рекомендации по рассмотрению отдельных категорий уголовных дел в целях оптимизации судебного следствия. Для этого им поставлены и реализованы следующие задачи:

проведен ретроспективный анализ деятельности военных судов (трибуналов) по отправлению правосудия по уголовным делам в суде первой инстанции за 1982—1998 гг.;

изучены научные концепции по проблемам правосудия вообще и правосудия по уголовным делам в частности, проведен сравнительный анализ действующего уголовно-процессуального законодательства, проектов УПК РФ, конституционных и международных правовых норм и на этой основе сформулированы определения сущности правосудия и судебной власти, определены процессуальные границы правосудия, а также предложены практические меры по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства с позиций усиления системы процессуальных гарантий права граждан на правосудие по уголовным делам;

исследованы существующие в практике военных судов проблемы, обусловленные внутренней противоречивостью действующего уголовно-процессуального закона и наличием в нем пробелов, и предложены пути их решения;

исследованы стадии отправления правосудия по уголовным делам в суде первой инстанции и выработаны предложения по оптимизации судопроизводства и повышению его эффективности;

изучены качество изложения приговоров, постановленных военными судами (трибуналами) Уральского региона за последние 16 лет, а также судебные ошибки, обусловленные несовершенством существующих норм УПК, дан научный анализ сущности и свойств приговора, изложено видение его правосудности;

обобщена практика военных судов по применению данных криминалистики и других наук при рассмотрении отдельных категорий уголовных дел и на этой базе (с учетом теории вопроса) выработаны тактика и методика судебного следствия по делам, связанным с уклонением от военной службы, нарушением правил вождения и эксплуатации военных машин;

нарушением уставных правил взаимоотношений, повлекшим суицидальный поступок потерпевшего.

Методология, методика и фактическая база исследования. При написании диссертации автор руководствовался категориями и положениями материалистической диалектики, традиционной и вероятностной логики, использовал сравнительно-правовой, статистический, системно-структурный и другие виды анализа. В основу работы положены теоретические исследования отечественных и зарубежных ученых в области судопроизводства и судоустройства, философии, математики, общей теории права и отраслевого правоповедения, положения Конституции РФ, международно-правовых документов, уголовно-процессуального законодательства и федеральных законов, законодательства ряда зарубежных стран.

В теоретических выводах автора аккумулированы высказанные в научной литературе идеи и взгляды на правосудие и его проблемы. В то же время это не просто повторение имеющихся суждений, а их логическое продолжение с коррекцией на перспективу судебной реформы.

В основу выводов диссертантом положены экспертные оценки результатов опроса 220 судей Уральского региона. В контексте исследуемых проблем проведен ретроспективный анализ практики военных судов (трибуналов) (изучено 1800 уголовных дел), исследованы ведомственные правовые акты, обобщения Военной коллегии Верховного суда РФ, военных судов ПриВО, ПурВО и УрВО.

Кроме того, при написании диссертации автор использовал свой более чем 25-летний опыт работы в качестве судьи первой и второй инстанции, председателя Екатеринбургского гарнизонного военного суда.

Научная новизна диссертационного исследования. Диссертация представляет собой комплексное теоретическое, уголовно-процессуальное, криминалистическое, психолого-психиатрическое исследование важнейших проблем современного российского правосудия, отраженных в практике военных судов. Феномен правосудия всегда привлекал к себе внимание ученых, однако такой комплексный его анализ в соотношении с судебной властью осуществлен впервые.

Учитывая законодательные новеллы, общепризнанные меж-

дународно-правовые нормы, автор с позиций принципов правового государства и концептуальных положений судебной реформы дал новое, вобравшее в себя позитивные изменения в российском обществе определение сущности правосудия по уголовным делам, по-новому подошел к вопросу о его содержании и диапазоне. На основе изучения большого эмпирического материала диссертант развил концептуальные идеи и суждения А. С. Кобликова, В. М. Кобякова, А. М. Ларина, П. А. Лупинской, Т. Г. Морщаковой, И. Л. Петрухина и В. М. Савицкого о задачах и принципах правосудия по уголовным делам, месте и роли правосудия в системе государственной власти, научно обосновал негативное влияние на истинность правосудия идеи о возложении на суды функции борьбы с преступностью. Выездные процессы, проводимые с превентивными целями, рассматриваются автором как проявление антиправосудия.

С точки зрения современных требований к процессуальным актам, диссертант на базе изученных 1 800 приговоров, теоретических положений, требований УПК и личного опыта работы судьей предложил свое видение ключевых моментов изложения приговора.

Считая право на защиту одной из основных гарантий права граждан на правосудие по уголовным делам, диссертант впервые в юридической науке провел комплексный анализ норм УПК, прямо или косвенно ограничивающих это право, и сформулировал предложения по их совершенствованию.

В диссертации исследуется организационная и познавательная деятельность судьи в уголовном процессе, развиваются ранее сформулированные им идеи о гносеологической и процессуальной связи между выводами обвинительного заключения и предметом судебного следствия, анализируется процессуальная легитимность доказательств, полученных в результате судебных действий следственного характера, порядок проведения которых не урегулирован УПК, определяются их условия и процедура производства.

На основе данных практики автор развивает вопрос использования судьями знаний в области криминалистики и других наук при рассмотрении уголовных дел. В этой связи впервые предлагаются рекомендации по тактике и методике судебного рассмотрения упомянутых категорий уголовных дел.

Впервые в юридической науке автор произвел анализ теоретических и практических проблем правосудия в их совокуп-

ности по осуществлению судебного контроля над законностью применения заключения под стражу. На этой базе сформулированы предложения по совершенствованию данного правового института.

Практическая значимость работы подтверждается следующим.

Во-первых, в ней сделана попытка показать наиболее актуальные проблемы, требующие разрешения уже на первых этапах судебной реформы. При этом предлагаются наиболее оптимальные, на взгляд автора, меры по их решению.

Во-вторых, в диссертации отражено современное состояние теории о сущности, формах, видах, функциях и задачах правосудия. Указанные теоретические аспекты исследованы под углом зрения требований Конституции РФ, действующего уголовно-процессуального и судоустройственного законодательства, Концепции судебной реформы, постановлений Конституционного суда РФ, международно-правовых норм и задач построения правового государства с проекцией на результаты анализа эмпирического материала. Это позволило автору сформулировать новые теоретические выводы, адресованные научным и практическим работникам, законодателю.

В-третьих, результаты исследования, сформулированные в нем предложения и рекомендации ориентируют судей, прокуроров и адвокатов на повышение эффективности правосудной деятельности, на создание максимально возможных условий для реализации прав граждан на правосудие по уголовным делам, на преодоление стереотипов прошлого в психологии и мышлении.

Наконец, в-четвертых, материалы диссертации могут быть использованы (а автором уже применяются) в процессе обучения в юридических вузах, при повышении квалификации работников суда, прокуратуры и адвокатуры, на их основе скорректирована практика военных судов УрВО.

Основные положения, выносимые на защиту, заключаются в следующем.

1. С построением в России правового государства российское правосудие переходит на качественно новый уровень развития. Судебная власть становится не только независимой. Она приобретает определенную автономность, а потому судебная система представляет собой обособленную от всех других

правоприменительных органов систему, которая функционирует совершенно самостоятельно, имеет свои, только ей присущие цели и задачи.

2. В отличие от деятельности правоохранительных органов, к числу которых в силу многолетних стереотипов нередко причисляют и суды, деятельность суда не борьба с преступностью на «передних рубежах». Она (эта деятельность) сводится к разрешению возникших конфликтов по поводу нарушенного или ненарушенного уголовного закона.

В данной связи распространенная в системе военных судов практика организации процессов в присутствии личного состава под девизом «Дабы другим неповадно было» есть не что иное, как проявление антиправосудия.

3. Осуществление правосудия — один из путей реализации государственной власти в новых условиях, а потому всякая процессуальная деятельность суда (судьи), связанная с производством по уголовным делам, причем на любой стадии, является правосудием.

4. В правовом государстве доступ к правосудию и право на правосудие гарантируются всем его гражданам. В ст. 52 Конституции РФ данное положение закреплено, однако касается оно только прав потерпевшего и не определяет границ правосудия. В результате налицо противоречие между ст. 52 Конституции и действующим УПК, по которому участие потерпевшего в кассационной и надзорной инстанциях не предусмотрено.

Вместе с тем в доступе к правосудию в указанных инстанциях могут нуждаться и другие лица, имеющие личный правовой интерес в исходе уголовного дела. А значит, ст. 52 Конституции нуждается в редакционном совершенствовании. Кроме того, поскольку названная статья носит сугубо декларативный характер, для ее реализации требуются правовые гарантии, которые должны быть закреплены в уголовно-процессуальном законе.

5. Осуществление правосудия должно базироваться не на общности интересов государства и личности, а на незыблемости естественных прав человека и гражданина. В связи с этим для реализации права личности на правосудие необходим совершенный правовой механизм, который бы гарантировал соблюдение государством указанного права. Сказанное требует внесения соответствующих изменений в Конституцию РФ, судоустройственное и процессуальное законодательство. Это подтверждается следующим:

а) зафиксированные в ст. 47 процессуальные ограничения по выбору защитника противоречат Конституции, гарантирующей гражданам право на защиту;

б) несовершенство норм УПК, регламентирующих стадию назначения судебного заседания, де-факто полностью исключает участие защитника, вступившего в производство по делу, в решении вопросов, относящихся к этой стадии процесса;

в) Конституция РФ в ч. 2 ст. 26 гарантирует гражданам право пользования родным языком на всех стадиях уголовного судопроизводства. Между тем нормы УПК, опосредствующие данное право, настолько несовершенны, что практически сводят эту конституционную гарантию на уровень декларации, ибо уголовно-процессуальный закон не обязывает следственные органы вручать соответствующим лицам переводы таких важнейших процессуальных актов, как постановление о возбуждении уголовного дела, постановление о прекращении дела, постановление о привлечении в качестве обвиняемого, постановление о применении мер процессуального принуждения, заключение эксперта и т. д. Не установлены в законе критерии определения компетентности переводчика, процессуально не регламентирован порядок поручения ему перевода обвинительного заключения, приговора и решений кассационной и надзорной инстанций. За их заведомо ложный перевод не предусмотрена ответственность;

г) декларативной представляется и ст. 49 Конституции, фиксирующая, что никто, кроме суда, не вправе признать лицо виновным в совершении преступления, поскольку ст. 6 УПК позволяет органам предварительного следствия прекращать производство по делу с момента обнаружения в действиях обвиняемого состава преступления. Возникшая между Конституцией и УПК коллизия (не устраненная известным постановлением Конституционного суда) в уголовном судопроизводстве решается пока не в пользу правосудия, что является нарушением ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

6. Взаимная противоречивость ряда норм общей и особенной частей УПК породила практику вручения подсудимому копии обвинительного заключения после назначения судьей уголовного дела к слушанию. Это является нарушением Международного пакта о гражданских и политических правах и Европейской конвенции по правам человека, а разъяснения Воен-

ной коллегии Верховного суда РФ по данному поводу ориентируют военных судей на ретроспективу.

7. Применение в уголовном судопроизводстве при разрешении гражданских исков норм ГПК нарушает такие принципы уголовного процесса, как право обвиняемого на защиту, свобода обжалования приговора, недопустимость поворота к худшему. В этой связи необходимо либо исключить нормы о гражданском иске из УПК, либо полностью урегулировать производство по нему уголовно-процессуальными нормами.

8. Институт участия представителей общественности в отправлении правосудия, получивший особое распространение в системе военных судов, есть элемент антиправосудия, посягающий на презумпцию невиновности, а потому он должен быть упразднен.

9. Предусмотренные ст. 223¹ и 239 УПК сроки назначения уголовного дела к слушанию по сложным и многоэпизодным делам нереальны, в связи с чем зачастую нарушаются. Иначе говоря, в законе заведомо запрограммировано его же нарушение. Чтобы исключить подобное, необходимо предоставить председателям судов право продления этих сроков по мотивированному ходатайству судей, в производстве которых находятся уголовные дела.

10. Редакция ст. 220¹, 220² УПК крайне несовершенна. Это обуславливает необходимость с учетом перспектив развития института судебного контроля над арестом как гарантии права на правосудие упразднения этих норм и введения в УПК специальной главы (особое производство), в которой регламентировалась бы вся процедура производства по жалобам на арест или продление срока содержания под стражей.

11. Правосудие как проводник судебной власти должно осуществляться в определенных границах, одним из критериев установления которых являются правила о подсудности. Это позволяет считать, что правосудие реализуется в пределах судебной власти, а потому военный суд, приняв к производству уголовное дело в отношении лица, призванного в армию незаконно, превышает свою власть со всеми вытекающими отсюда последствиями, среди которых может быть и постановление неправосудного приговора.

12. «Ничто не возмущает нас больше, чем несправедливость: все другие виды зла ... ничто по сравнению с ней» (И. Кант). Проецирование этой мысли великого философа на российское правосудие позволяет утверждать, что наши суждения о спра-

ведливости приговора должны быть связаны с внутренним законодательством и нормами международного права, ратифицированными Российской Федерацией, а поэтому мы и говорим не о правосудии вообще, а о российском правосудии, не о законности вообще, а о российской законности, о справедливости не мировой, а российской.

13. Наиболее распространенной причиной судебных ошибок по делам об уклонении от военной службы являются недочеты в исследовании личности подсудимого. С целью улучшения качества судебного следствия предлагаются методические рекомендации, основу которых составляет выработанная диссертантом классификация данных о личности.

14. По делам о нарушениях уставных правил взаимоотношений, повлекших за собой суицид, неполнота заключений экспертов (психиатров и психологов) об этиологии суицидального поступка обычно связана с неправильной постановкой следователем, а затем и судом экспертных вопросов. В этой связи диссертант разработал три группы вопросов (психиатрические, психологические и ситуационные), которые рекомендует ставить на разрешение экспертов.

15. В основу методических рекомендаций по рассмотрению автотранспортных преступлений, совершенных при управлении военными машинами, вошли исследованные диссертантом особенности правил вождения и эксплуатации боевых, транспортных и специальных машин, находящихся на вооружении в армии.

Апробация результатов исследования. Диссертационное исследование является завершающим этапом 20-летней научно-исследовательской работы автора над решением проблем правосудия, охраны прав и свобод граждан в сфере уголовного судопроизводства.

Основные теоретические положения диссертации и предложения по усовершенствованию законодательства, организационной и процессуальной деятельности судьи в уголовном процессе, судебной тактики и др. изложены в монографиях «Судебное следствие. Вопросы теории и практики» (в соавторстве с В. М. Кобяковым. Екатеринбург, 1992.— 8,3 п. л.), «От преступления до приговора. О правах тех, кто волею судьбы стал участником уголовного процесса» (в соавторстве с В. М. Кобяковым. Екатеринбург, 1996.— 7,5 п. л.), «Современные проблемы российского правосудия в деятельности военных судов. Вопро-

сы теории и практики» (Екатеринбург, 1999.— 13,48 п. л.), а также в 44 статьях, опубликованных в центральных, региональных и ведомственных изданиях, общим объемом 21,62 п. л., из которых 4,58 п. л. в соавторстве. Кроме того, они освещались в многочисленных выступлениях на научных конференциях внутрироссийского и международного уровня, докладах перед работниками суда, прокуратуры, адвокатуры, при чтении лекций по курсу уголовного процесса в УрГЮА и Институте усовершенствования прокурорских работников Уральского региона, выступлениях по центральному и местному телевидению.

Ряд идей автора нашли свое отражение в постановлениях Конституционного суда РФ, применяются в практике военных судов. Например, военнослужащие, призванные в армию незаконно, перестали признаваться субъектами воинских преступлений, и дела по их обвинению из подсудности военных судов исключены. Кроме того, обвинительное заключение в Екатеринбургском гарнизонном военном суде вручается подсудимому до принятия судьей решения о назначении судебного заседания, что создает условия для активного его участия в этой стадии процесса.

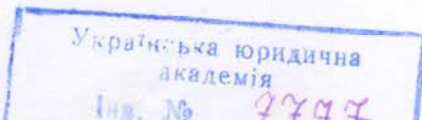
Структура работы. Изложенная тематика обусловила содержание диссертации. Она состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Глава первая «Теоретические основы правосудия по уголовным делам в деятельности военных судов России» посвящена вопросу, на первый взгляд кажущемуся тривиальным, поскольку его анализу отдали дань многие ученые — А. Д. Бойков, Г. И. Бушуев, В. С. Джатиев, Т. Н. Добровольская, Ю. А. Дмитриев, Г. И. Загорский, З. З. Зинатуллин, И. И. Карпец, А. С. Кобликов, П. А. Лупинская, Б. М. Мизулина, Т. Г. Морщакова, Я. О. Мотовиловкер, В. П. Нажимов, И. Д. Перлов, И. Л. Петрухин, Н. А. Петухов, В. А. Ржевский, В. М. Савицкий, Ю. Д. Северин, В. М. Семенов, М. С. Строгович, А. Я. Сухарев, В. А. Туманов, П. М. Филиппов, С. А. Шейфер, М. Л. Якуб и др. И все же для его дальнейшего исследования имеются серьезные основания. В их числе на первое место мы бы поставили разночтения при определении существа правосудия, его социальной роли, процессуального диапазона. Например, одни ученые полагают, что правосудие осуществляется только в стадии судебного разбирательства (З. З. Зинатуллин, М. С. Строгович), другие считают, что оно реализуется во всех судебных стадиях за исключением первоначальной (А. Д. Бойков, И. И. Карпец), а третьи включают в его диапазон и первоначальную судебную стадию (И. Л. Петрухин, Т. Г. Морщакова).

Иначе говоря, мы имеем странную ситуацию: при едином мнении о сути правосудия налицо существенные различия во взглядах исследователей на его процессуальные границы. Представляется, что корни ее достаточно глубоки, а сама ситуация свидетельствует о том, что суть правосудия недостаточно ясна и заслуживает специального анализа.

Можно сказать, какая, мол, для суда в конечном счете разница, осуществляет ли он в данной стадии правосудие или нет. Главное — соблюдение процессуальной формы и принятие правильного решения. Но если разделить это мнение, то можно пойти еще дальше и заявить, что в термине «правосудие» вообще нет никакой надобности, что его спокойно можно заменить термином «судебная деятельность». Но такой шаг будет, мягко говоря, кощунственным, поскольку правосудие есть нечто большее, чем просто деятельность суда, пусть даже в строго определенной процессуальной форме. Это, как справедливо отмечали А. М. Ларин, И. Л. Петрухин, В. М. Савицкий, — социаль-

ное достояние, глубинное начало всех правовых норм, механизм обеспечения торжества справедливости.

Вопрос о границах правосудия далеко не риторический и вызван не только заботой о чистоте теории. В нем заложен сугубо практический интерес, а именно: забота о границах процессуальной независимости суда (судей). Конституционный принцип гласит, что правосудие осуществляется только судом. Оценка его может быть самой разной: одни найдут здесь элементы тавтологии, поскольку оторвать правосудие от суда в схематическом плане вряд ли возможно, другие увидят в нем руководство для определения компетенции судебных органов. Но вряд ли есть основание полагать, что этот принцип действует только в одной или только в нескольких процессуальных стадиях.

Напрашивается и другой вопрос: если на каких-то судебных стадиях не осуществляется правосудие, то почему и на каком основании их так «обидели»?

Глава 7 Конституции РФ, посвященная правосудию, называется «Судебная власть». В ней, в ч. 2 ст. 118, подчеркивается: «Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства». Это положение повторил и п. 3 ст. 1 Федерального закона о судебной системе в РФ.

Нельзя сказать, что отождествление правосудия с «судебной властью» — совершенно новый подход к проблеме. Он был предложен еще процессуалистами дореволюционной России, которые дали довольно четкую и достаточно емкую характеристику судебной власти (С. И. Викторский и др.). Конечно, сегодня эти выводы нуждаются в известной корректировке хотя бы уже потому, что в литературе высказаны далекие от них мнения (Ю. А. Дмитриев, И. С. Масликова, Г. Г. Черемных).

Из названия «судебная власть» следует, что она — судебная власть — не только независима, но и обладает определенной автономностью. А потому судебная система представляет собой обособленную от всех других правоприменительных органов систему, которая функционирует совершенно самостоятельно, имеет свои, только ей присущие цели и задачи. Кажется бы, постулат этот и очевиден, и бесспорен. Но это лишь на первый взгляд. Например, Генеральный прокурор России Ю. И. Скуратов в интервью газете «Известия» (1995. 1 дек.) утверждал: «...что значит правоохранительная функция? Это

охрана и защита прав граждан. Если мы суд вычленим из этой системы, тем самым оставим сограждан без правовой, то есть судебной, защиты».

Из сказанного напрашивается два вывода, которые, судя по мнению Ю. И. Скуратов считает аксиоматичными: а) суд — основная часть системы правоохранительных органов, в силу чего на нем лежит обязанность вести борьбу с преступностью; б) если суд вывести из системы правоохранительных органов, то мы вместо правосудия получим произвол суда, при котором не будет места судебной защите граждан. Отметим, что такие мысли высказывались ранее и криминологами, и процессуалистами (А. Д. Байковым, А. С. Кобликовым, С. С. Максимовым).

Анализ данных выводов позволяет обратить внимание на ряд следующих моментов.

1. Если суд в качестве составной части входит в неделимую систему правоохранительных органов, то зачем было создавать процессуальный институт судебного контроля за законностью и обоснованностью ареста на стадии предварительного расследования?

2. Почему противники самостоятельности судебной власти, беспокоясь о возможном судебном произволе, обходят молчанием действительно существующий произвол на стадии предварительного расследования и этапах оперативно-розыскной деятельности?

3. Ни у кого не вызывает возражений тот факт, что Конституционный суд РФ является органом правосудия, а значит, и составной частью судебной системы страны. Но если суд есть часть системы правоохранительных органов, ведущих борьбу с преступностью, то таковым придется признать и Конституционный суд. Однако это будет противоречить ст. 1 Закона РФ о Конституционном суде, по которой его функциональное предназначение — осуществление конституционного контроля.

4. Суд и правоохранительные органы наделены различными процессуальными функциями. Еще раз подчеркнем, что предназначение суда — не борьба с преступностью на «передних рубежах», а разрешение возникших конфликтов по поводу нарушенного или ненарушенного уголовного закона.

Думается, все изложенное позволяет утверждать, что органы правосудия образуют относительно самостоятельную систему, отличную от системы правоохранительных органов. Что же тогда означает термин «судебная власть»? Представляется, что

здесь может быть только один ответ: это судебное верховенство. Иначе говоря, судебная деятельность стоит над деятельностью всех других правоприменительных органов, которые функционируют не только до него, но и для него.

По смыслу ст. 118 Конституции уголовное судопроизводство, осуществляемое судом, есть один из путей реализации власти, т. е. любая процессуальная деятельность суда (судьи), связанная с производством по уголовным делам, причем на любой стадии, есть не что иное, как правосудие¹. В данной статье сначала речь идет о правосудии, а лишь затем о судебной власти. Вложен ли какой-то смысл в такую очередность? Структура статьи позволяет вывести следующее соотношение: правосудие — судебная власть — виды производства.

Из сказанного вытекает: 1) правосудие есть реализация судебной власти посредством судопроизводства вообще и уголовного в частности; 2) правосудие охватывает всю без исключения судебную деятельность по уголовным делам вне зависимости от процессуальных стадий, ибо только в таком случае судебное верховенство будет являться единым принципом деятельности суда, влияющим на все стадии уголовного судопроизводства, а не локальным ее свойством².

В контексте изложенного вернемся к вопросу соотношения правосудия и судебной власти. В этой связи подчеркнем следующее. Во-первых, ориентация на сугубо грамматический признак ведет к тому, что термины «судебная власть» и «правосудие» становятся далеко не равнозначными. Такой терминологический подход в юридических исследованиях весьма проблематичен, не позволяет правильно расставить акценты (элементы такой ориентации усматриваются в некоторых точках зрения, чьи сторонники пытаются отграничить судебную власть от правосудия. Во-вторых, как нет человека вне социального общения, так нет и правосудия без судебной власти. В противном случае судебная власть потеряет реальность ввиду отсутствия проводника.

¹ Диссертант включает в правосудие также деятельность судьи по разрешению жалоб на арест и санкционирование мер процессуального принуждения на досудебных стадиях.

² Близкие суждения высказывали Т. Н. Добровольская и И. Л. Петрухин. Соглашаясь с этими учеными в главном, автор в то же время считает, что их подход к определению границ правосудия с точки зрения коллегияльности уголовно-процессуальной деятельности и локальности решаемых ею задач ограничивает независимость судей при производстве по уголовному делу, поскольку часть их процессуальной деятельности оказывается за рамками осуществления правосудия.

Учитывая многоаспектный, многофакторный характер исследуемой проблемы, отметим лишь главные ее моменты.

Общетеоретический момент (название условное) характеризует судебную власть во взаимоотношениях с остальными властными структурами. Здесь судебную власть можно рассматривать как особый автономный социальный механизм, как специальную систему сдержек и противовесов относительно законодательной и исполнительной властей¹. Поставить под сомнение это положение — значит признать отсутствие всякой потребности в «судебной власти». Однако ограничиваться сказанным нельзя, поскольку в плане функционального предназначения судебной власти не этот момент раскрывает ее существо и процессуальные границы.

В этой связи воспользуемся еще одним положением, которое (тоже условно) назовем *конкретно-научным*. Суть его сводится к тому, что границы полномочий судебной власти определяются требованиями закона о подсудности, т.е. судебная власть при осуществлении своих полномочий имеет четко определенные рамки, установленные законом. В конкретно-научном плане судебная власть играет организующую роль в судебной системе в целом и каждом суде в отдельности.

Диссертант назвал это положение конкретно-научным потому, что теоретические знания должны находиться в единстве с судебной практикой, т.е. с непосредственной реализацией судебной власти. Практический интерес поднятого вопроса подтверждается следующим: нередко органы военной прокуратуры подвергаются уголовному преследованию за преступления, совершенные в период службы, лиц, призванных в армию ошибочно. При этом ввиду разноречия в практике судебная власть военных судов нередко ошибочно распространяется на всех без исключения военнослужащих, обвиняемых в совершении преступлений.

Не видеть в такой практике незаконного расширения границ судебной власти нельзя.

В силу того, что разъяснения Военной коллегии Верховного суда РФ по этому вопросу отсутствуют, мы предлагаем свой способ его решения. Думается, избежать подобных ошибок по-

¹ Эта мысль целиком и полностью подтверждается ст. 120 Конституции РФ, в которой говорится о независимости судей и подчинении их Конституции и федеральному закону, а также о полномочиях суда по прямому применению в известных случаях конституционных норм.

могут два правила: 1) уголовная ответственность за совершение преступлений, зафиксированных в разд. 11 УК РФ, может наступать только в отношении лиц, призванных в армию на законном основании; 2) из этого правила не должно быть никаких исключений.

Рассмотрим теперь проблему судебной власти с позиций деятельности суда по пересмотру приговоров (как вступивших, так и не вступивших в законную силу), причем имея в виду и процессуальные, и организационные положения. Всякая власть, в том числе судебная, может реализовать возложенные на нее функции только при условии, если она соответствующим образом организована. Одним из факторов, организующих кассационную и надзорную деятельность суда, являются «судебные инстанции», которые выполняют роль своеобразного проводника судебной власти.

О судебной инстанции можно говорить по крайней мере в двух аспектах: а) как о суде, уполномоченном рассматривать соответствующие уголовные дела по существу, а также пересматривать судебные акты; б) как о совокупности властных полномочий, обусловленных социальной ролью правосудия.

Существо судебных инстанций определяется следующими основными факторами:

- 1) целевое назначение инстанции;
- 2) особые процедурные правила, вытекающие из принципов уголовного судопроизводства и согласующиеся с ними;
- 3) процессуальные границы, в пределах которых возникает, развивается и завершается деятельность той или иной инстанции.

Судебные инстанции по своим полномочиям, а значит, и по предназначению существенно отличаются. При этом данные полномочия очень жестко и не всегда оправданно ограничены условиями, являющимися основаниями для пересмотра судебных решений, что в свою очередь, как представляется, сужает конституционное право граждан на доступ к правосудию¹.

Подводя итог рассуждениям о соотношении правосудия и судебной власти, отметим, что эти понятия органически взаимосвязаны и взаимообусловлены. С одной стороны, правосудие можно рассматривать как механизм реализации судебной власти. Сама по себе судебная власть есть установленные законом властные полномочия судебных органов. Однако для

¹ Почему, например, не принять жалобу адвоката в качестве основания для надзорного производства?!

того, чтобы эти полномочия действовали, объективно необходим определенный правовой механизм. В противном случае судебная власть будет носить не более чем декларативный характер. Роль такого механизма и играет правосудие. С другой стороны, без судебной власти правосудие не сможет располагать четко организованной системой, а задачи, поставленные перед ним, не будут иметь реальной значимости.

В Заключении парламентских слушаний о ходе реализации положений судебной реформы обращается внимание на ряд моментов, негативно влияющих на состояние российского правосудия, одним из которых выступает отсутствие должной законодательной базы, гарантирующей состязательную основу судебного разбирательства по уголовным делам. С момента принятия Конституции РФ, закрепившей принцип состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе, прошло почти 6 лет. Что же изменилось в российской правосудии за эти годы? Ровным счетом ничего, потому что нормы УПК не приведены в соответствие не только с Конституцией, но и с другим обновленным законодательством. Проще говоря, механизм реализации важнейшего конституционного принципа осуществления правосудия пока отсутствует, что порождает разнობой в судебной практике.

Известно, что принцип состязательности предполагает наличие трех элементов: 1) объективного и беспристрастного суда; 2) сторон; 3) равноправия сторон в процессе доказывания. Вместе с тем в военных судах Уральского региона в 1994—1998 гг. около 15% уголовных дел рассмотрено в судах первой инстанции без участия государственного обвинителя. По данным Генеральной прокуратуры РФ, в территориальных федеральных судах эта цифра составляет 50%. Вызвано это тем, что УПК не предусматривает обязательного участия прокурора в суде первой инстанции при рассмотрении уголовного дела. Мало того, ст. 228 и 254 Кодекса рассматривают участие прокурора в суде как альтернативу.

Отсутствие в суде прокурора нейтрализует как минимум первые две составляющие принципа состязательности, а значит, сам принцип состязательности перестает работать. Приговор же, постановленный на доказательствах, исследованных без участия прокурора, вряд ли можно считать правосудным. На наш взгляд, в подобной ситуации у подсудимого возникает право на отвод суда (судьи), и гарантии этого права должны быть закреплены в УПК.

Аналогичная ситуация складывалась, когда в силу ст. 248 УПК прокурор по тем или иным причинам отказывался от обвинения в суде, а суд продолжал разбирательство дела и выносил обвинительный приговор.

Важным процессуальным фактором, способствующим осуществлению правосудия по уголовным делам в суде первой инстанции, является право подсудимого на защиту. Но ряд существенных моментов, гарантирующих это право, до настоящего времени остаются нерешенными. Так, у подсудимого отсутствуют процессуальные гарантии на право выбора любого лица в качестве защитника в суде первой инстанции, на осуществление функции защиты в стадии назначения судебного заседания. Требуя правового опосредствования некоторые аспекты участия в суде переводчика.

Налицо внутренняя несбалансированность и несовершенство норм, гарантирующих право обвиняемого на объективное рассмотрение судом его жалобы на арест и продление срока содержания под стражей. Диссертант предлагает свой вариант решения этих проблем, его законодательного закрепления.

Глава вторая имеет название «Процессуальные и организационные аспекты деятельности военных судов в стадии назначения судебного заседания». Любая процессуальная стадия есть не что иное, как относительно самостоятельный, определенным образом обособленный этап уголовно-процессуальной деятельности. Это обусловлено тем, что каждая из стадий имеет свое назначение (т.е. играет определенную процессуальную роль), свои процессуальные границы (т.е. начало и окончание) и свои специфические правоотношения, складывающиеся в данных границах. Анализ ст. 46 и 223¹ УПК позволяет считать началом стадии назначения судебного заседания дату поступления уголовного дела в суд, поскольку с этого момента обвиняемый именуется подсудимым, начинается исчисление сроков, указанных в ч. 2 ст. 223¹ УПК. Конечная граница данной стадии зависит от того, какое из указанных в ст. 221 УПК решений примет судья, т.е. заканчивается она вынесением судьей одного из названных в ней правоприменительных актов.

В пределах этой процессуальной стадии судья осуществляет изучение, подготовку и назначение уголовного дела, находящегося в его производстве, к слушанию.

Расположение данной стадии в системе стадий уголовного процесса дает основание полагать, что здесь судья выполняет

две основные функции: реализует контроль за стадией предварительного расследования и определяет и осуществляет организационные мероприятия к предстоящему судебному разбирательству.

Выполняя контрольную функцию, судья на основании качественных характеристик уголовного дела определяет наличие (или отсутствие) оснований к его рассмотрению в судебном заседании.

Представляется, что достаточность оснований, позволяющих судье назначить дело к рассмотрению, определяется тремя взаимосвязанными факторами.

Первый — субординационный. Он связан с полномочиями данного суда по рассмотрению поступившего уголовного дела. Существование этого фактора определяется законом о подсудности.

Второй фактор — материальный. Суть его сводится к необходимости правильного применения органами предварительного расследования уголовного закона. Наличие его обусловлено рядом обстоятельств, в том числе законом о предметной подсудности.

Третий фактор — процессуальный. Его сущность заключается в том, что рассмотрение уголовного дела в суде возможно лишь при условии, если из его материалов не усматриваются существенные нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные органами предварительного расследования. Этот фактор обусловлен категорическим запретом лишать лиц, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальной деятельности, процессуальных прав совсем или стеснять их в этих правах, а также иными требованиями процессуального закона.

Вопросы, относящиеся к подготовительной функции стадии назначения судебного заседания, перечислены в ст. 228 УПК.

Как и любая другая стадия уголовного процесса, стадия назначения судебного заседания имеет только ей присущие черты: первая — осуществление данной стадии без каких-либо правил процедурного характера и без фиксации действий судьи в протоколе; вторая — запрет при ее осуществлении на проведение судебных действий следственного характера (допросов, осмотров и т. д.); третья — действия сторон ограничены заявлением ходатайств.

Перечисленные особенности присущи стадии назначения судебного заседания по обычным делам. По делам, связанным

с применением принудительных мер медицинского характера (ст. 407 УПК), делам, подлежащим рассмотрению в суде присяжных (ст. 431—433 УПК), стадии назначения судебного заседания имеют свои особенности, только им присущие процессуальный порядок и производство.

В данной стадии судья разрешает три группы вопросов:

а) вопросы, ответы на которые определяют основания к рассмотрению уголовного дела по существу;

б) вопросы, связанные с разрешением поступивших ходатайств и заявлений (ст. 223 УПК);

в) вопросы, носящие сугубо организационный характер по отношению к следующей стадии — стадии судебного разбирательства (ст. 228 УПК).

Ходатайства в уголовном процессе могут быть письменными или устными, но в стадии назначения судебного заседания возможна только письменная форма ходатайства, поскольку здесь, как упоминалось, не предусмотрено ведение протокола. Ходатайства в данной стадии правомочны подавать только обвиняемый и его защитник, потерпевший и его представитель, гражданский истец и гражданский ответчик или лица, их представляющие, организации.

В отношении указанных ходатайств действуют три правила.

1. Решения по ним окончательные, т. е. обжалованию не подлежат, но ходатайства могут быть поданы повторно в следующей стадии уголовного процесса.

2. Если судья сомневается в обоснованности ходатайства, он вправе вызвать лицо или представителя организации, подавших ходатайство, для объяснения (это положение не распространяется лишь на ходатайства о вызове дополнительных свидетелей и истребовании других доказательств, которые подлежат удовлетворению в любом случае).

3. Ходатайства, касающиеся только доказательств, подлежат удовлетворению независимо от обоснованности.

Учитывая изложенное, стадию назначения судебного заседания условно можно подразделить на две взаимосвязанные части.

Первая часть посвящена выполнению сугубо контрольных функций. Процессуальным основанием здесь служит поступившее в суд уголовное дело с обвинительным заключением. Непосредственное осуществление ее начинается с момента получения судьей уголовного дела.

Если судья примет решение о назначении дела к слушанию, за первой частью последует вторая. По структуре она сложнее, чем первая, поскольку посвящена двум моментам: разрешению вопросов, предусмотренных ст. 228 УПК, и разрешению ходатайств. Завершается вторая часть стадии назначения судебного заседания, а вместе с ней и вся стадия вынесением судьей постановления о назначении дела к слушанию.

Заметим, что по сложным и многотомным делам процессуальные сроки анализируемой стадии систематически нарушаются, поскольку не нарушить их невозможно. В этой связи полагаем целесообразным предоставить председателю соответствующего суда право продлевать сроки, установленные ст. 223¹, 239 УПК, по ходатайству судьи, в производстве которого находится уголовное дело, по аналогии со ст. 333 УПК, которая предоставляет председателем соответствующих судов право продлевать сроки кассационного рассмотрения дел в суде второй инстанции. Реализация данного предложения не только поможет исключить нарушение процессуальных сроков, но и будет способствовать более глубокому изучению судьей уголовного дела.

Нуждается в уточнении и редакция ст. 234 УПК, поскольку буквальная ее трактовка вольно или невольно ориентирует судью в стадии назначения судебного заседания на обвинительный уклон. Согласно требованию ст. 234 судья прекращает уголовное дело в названной стадии при установлении недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления, если все возможности для собирания дополнительных материалов исчерпаны. Но такая недоказанность служит основанием для постановления оправдательного приговора. Выходит, судья назначает дело к судебному заседанию лишь тогда, когда предполагает возможность постановления не приговора вообще, а именно обвинительного приговора.

Как уже отмечалось, в данной стадии судья не вправе проводить какие-либо процессуальные действия, направленные на доказывание, а также заниматься поисками новых доказательств. Главная особенность познавательной деятельности в стадии назначения судебного разбирательства в том и заключается, что она основывается только на личном восприятии судьей материалов предварительного расследования. Причем результатом этой деятельности судья может воспользоваться только для решения вопросов, указанных в ст. 222 УПК, не предвещая вопроса о виновности подсудимого.

Изучить дело — значит познать суть обвинения и доказательств, на которых оно основано, путем анализа материалов предварительного расследования. В этой связи остановимся на гносеологической и процессуальной значимости выводов, содержащихся в обвинительном заключении.

В стадии назначения судебного заседания эти выводы проходят испытание «на прочность», но только на формальном уровне. С позиции следователя и прокурора они являются достоверным знанием. Однако судья должен рассматривать их как версию обвинения, что обязывает его выдвинуть собственное, противоположное по своей направленности предположение — контрверсию. Контрверсия не имеет фактической базы, абстрактна и образуется не свойственным для подлинных версий путем — операцией логического отрицания версии обвинения (убийство совершено Н. — версия обвинения; убийство совершено не Н. — контрверсия). Конечно, поисковое значение контрверсии невелико, но она предохраняет судью от одностороннего и субъективного подхода при изучении материалов дела.

Выдвижение контрверсии даже по формальным основаниям не должно рассматриваться судьей как препятствие для назначения дела к рассмотрению в судебном заседании.

Познавательная деятельность судьи по проверке версии обвинения на этом уровне может иметь следующие правовые последствия: а) назначение дела слушанием по тому обвинению, которое сформулировано в обвинительном заключении, либо изменение обвинения в сторону смягчения; б) прекращение уголовного дела; в) возвращение уголовного дела на дополнительное расследование (с учетом ориентиров Конституционного суда).

Планирование судебного следствия начинается с вынесения судьей постановления о назначении по делу судебного разбирательства.

Основные элементы плана судебного следствия у судьи формируются уже при изучении материалов дела, однако планирование судебного разбирательства представляет собой самостоятельный этап в подготовке судьи к рассмотрению дела и осуществляется только тогда, когда будет окончательно решено, в отношении кого из подсудимых и по какому обвинению будет рассматриваться дело, кто из потерпевших, свидетелей, экспертов вызывается в суд. Основу планирования составляет версия обвинения, аргументированность и доказанность которой играют немалую роль в принятии решения о назначении судебного разбирательства по делу.

Под планированием судебного разбирательства следует понимать разработку мер, направленных на последовательное и целеустремленное проведение предписанных законом процессуальных действий, предусматривающих обеспечение всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств уголовного дела. Цель планирования — создать наиболее благоприятные условия для четкого, оперативного и качественного проведения судебного заседания.

Проще говоря, планирование судебного разбирательства есть не что иное, как умственная деятельность судьи, который на основе изучения и анализа материалов предварительного расследования и особенностей конкретного уголовного дела моделирует предстоящую познавательную деятельность в суде на новом качественном уровне, для чего намечает проведение определенных мероприятий. Это сценарий судебного разбирательства, составленный с учетом общей и частной методик по планированию рассмотрения уголовных дел вообще и определенных категорий дел в частности, а также тактики рассмотрения конкретного уголовного дела, обеспечивающей целенаправленность, эффективность и экономичность мыслительного логического процесса в судебном исследовании. Оптимальный результат планирования судебного разбирательства можно представить как организационную и интеллектуальную готовность судьи (председательствующего) к уголовно-процессуальной деятельности на новом, более высоком уровне.

При составлении плана надлежит исходить из требований ст. 301 УПК. Согласно данной статье суд основывает приговор лишь на тех доказательствах, которые были рассмотрены в судебном заседании. Чтобы достичь этой цели, при планировании необходимо наметить:

а) обстоятельства, которые следует установить в соответствии со ст. 68 УПК;

б) конкретные процессуальные средства, с помощью которых данные обстоятельства должны быть установлены;

в) последовательность и конкретные практические приемы проведения того или иного судебного действия следственного характера.

Совокупность этих трех моментов и диктует содержание планирования, которое подчинено определенным принципам.

1. Принцип целенаправленности планирования. Помимо перспективной цели планирование имеет цель специальную,

непосредственную. Это оптимальная организация предстоящего судебного следствия.

2. Принцип индивидуальности планирования. При планировании судебного следствия даже по однородным уголовным делам наряду с общими положениями судебной тактики, общими рекомендациями по исследованию доказательств необходимо учитывать специфические особенности данного уголовного дела и практически использовать криминалистическую характеристику преступления, являющегося предметом судебного следствия.

3. Принцип процессуальной и технической согласованности. Планирование судебного следствия по любому уголовному делу должно начинаться с определения обстоятельств, подлежащих установлению, и порядка исследования доказательств. Здесь надо учитывать два взаимосвязанных момента.

Первый момент — тактико-гносеологический. Он базируется на двух взаимообусловленных положениях, которыми судья должен руководствоваться при установлении порядка исследования доказательств: а) процесс познания надо планировать таким образом, чтобы идти от общего к частному; б) первоначально нужно получить прямые доказательства, подтверждающие или исключаящие любое из обстоятельств, входящих в предмет доказывания, а потом уже заняться собиранием и исследованием косвенных доказательств.

Второй момент — процессуальный. Его суть обусловлена содержанием ст. 279 УПК. Согласно названной статье порядок исследования доказательств зависит от порядка допросов в судебном следствии. Иначе говоря, исследование доказательств в судебном следствии должно быть начато с такого судебного действия следственного характера, как допрос обвиняемого.

Во-первых, необходимо выяснить, как данное лицо относится к предъявленному обвинению и что конкретно оно этому обвинению противопоставляет. Кроме того, допрос в начале судебного следствия позволяет подсудимому наилучшим образом и в наиболее полном объеме реализовать свое право на защиту.

Во-вторых, с позиций гносеологического аспекта допрос подсудимого в начале судебного следствия также предпочтителен, ибо его показания (независимо от того, признает он свою вину или нет) всегда служат прямыми доказательствами по делу, которые по характеру информации представляют особый интерес, ибо на их основании в судебном следствии могут выдвигаться новые версии.

Исследование доказательств в судебном следствии может быть начато с допросов других лиц только в таких исключительных случаях, когда: а) подсудимый отказался от дачи показаний; б) он ходатайствует о том, чтобы исследование доказательств было начато не с его допроса; в) подсудимый до его допроса на основании ст. 263 УПК удален из зала судебного заседания, а затем возвращен в ходе судебного следствия.

4. Принцип вариантности планирования. Суть его заключается в том, чтобы исследовать доказательства не как разрозненный конгломерат, а как систему. В зависимости от характера уголовного дела используется один из трех основных вариантов планирования судебного следствия: а) по эпизодам обвинения (как правило, по делам с одним подсудимым); б) по подсудимым; в) смешанный вариант, включающий элементы первых двух вариантов.

5. Принцип динамичности. Судебное следствие — это сложное переплетение судебных действий следственного характера. Естественно, при планировании желательно учитывать динамику его развития. В целях реализации этого принципа необходимо предусмотреть такие тактические приемы исследования доказательств, которые бы конкретизировали, детализировали и уточняли сведения, получаемые при допросах.

6. Принцип детализации. Суть его состоит в том, что при составлении общего плана проведения судебного следствия планированию подвергается каждое судебное действие, планируются допросы каждого подсудимого, потерпевшего, а также свидетелей.

По этому поводу в теории и практике нет единства мнений.

Против предварительного планирования допросов возражают на том основании, что невозможно заранее предусмотреть, какие показания будут давать в суде подсудимые, потерпевшие и свидетели, а значит, нельзя предвидеть количество и характер вопросов, которые нужно задать допрашиваемому лицу (Ю. А. Каленов, И. Д. Перлов).

Представляется, что целесообразно заранее сформулировать в плане основные вопросы по главным обстоятельствам уголовного дела, а также вопросы, ответы на которые позволяют исследовать усматриваемые из дела версии и выяснить противоречия в показаниях. Постановка таких вопросов «с ходу», без предварительного обдумывания, может повлечь за собой их бессистемность, а значит, и неисследовательность некоторых

Исходя из тактических соображений, некоторые авторы (например, Л. Е. Ароцкер) рекомендуют планировать такие вопросы, которые бы отвечали цели изобличения подсудимого в совершении преступления. Но изобличает ли суд виновного в совершении преступления? Да, суд действительно изобличает, но только виновного и только в ходе постановления приговора посредством изложения доказательств в его описательной части. До постановления приговора председательствующий и народные заседатели не ставят перед собой задачи изобличения подсудимого (это дело государственного обвинителя), а обеспечивают полное исследование доказательств по уголовному делу. Поэтому все тактические приемы, планируемые к использованию при допросе подсудимого, должны быть подчинены только этой цели.

Глава третья называется «Проблемы стадии судебного разбирательства в деятельности военных судов». Известно, что уголовный процесс принято именовать еще уголовным судопроизводством. Если термин «уголовное судопроизводство» толковать в буквальном смысле, то получается, что уголовно-процессуальная деятельность — это производство в суде. Но поскольку в уголовном процессе существуют досудебные процессуальные стадии, то насколько оправданно рассматривать понятия «уголовный процесс» и «уголовное судопроизводство» как тождественные, абсолютно равнозначные?

По мнению автора, термин «уголовное судопроизводство» выбран далеко не случайно. Он подчеркивает, что основным в уголовно-процессуальной деятельности является правосудие. Стадия же судебного разбирательства есть главный, центральный этап уголовного судопроизводства, посредством которого реализуется судебная власть.

Рассмотрение уголовного дела по существу есть процессуальная деятельность суда, при осуществлении которой лица, имеющие личный интерес в исходе дела, реализуют свое право на правосудие. Причем суд не занимается уголовным преследованием (это функция обвинения), не защищает (это функция защиты), а обеспечивает объективное, полное и всестороннее разбирательство по делу. По результатам разбирательства он принимает решение, фиксируемое в приговоре — высшем акте правосудия.

Поэтому диссертант считает противоречивым мнение, что суд в судебном заседании одновременно непредвзято выясняет

обстоятельства дела и избобличает преступника (А. С. Кобликов). Изобличать означает обвинять. Повторим, процесс избобличения судом должен происходить только в совещательной комнате при постановлении обвинительного приговора, но никак не раньше, иначе ни о каком праве на правосудие говорить нельзя.

В ст. 49 Конституции говорится, что никто, кроме суда, не вправе признать лицо виновным в совершении преступления. Однако это весьма существенное законоположение пока не отражает реальности, ибо ст. 6 УПК позволяет органам предварительного следствия прекращать производство по делу с признанием в действиях обвиняемого состава преступления.

Рассматривая судебное разбирательство как специфическую форму осуществления правосудия, некоторые ученые (например, Т. Г. Морщакова) вместе с тем считают, что задачи судебного разбирательства совпадают с задачами правосудия по уголовным делам вообще. Это утверждение, на наш взгляд, не совсем точно отражает действительность. Судебное разбирательство по уголовному делу есть не что иное, как самостоятельная форма правосудия с только ей присущими специфическими свойствами. Следовательно, наряду с общими задачами, свойственными правосудию по уголовным делам, у него должны быть и свои, специфические задачи, отличающиеся от задач других форм правосудия. Иначе говоря, частные задачи, стоящие, например, перед судом кассационной инстанции, не могут быть идентичными задачам, которые решаются в стадии судебного разбирательства. В данной связи специфические задачи судебного разбирательства по осуществлению правосудия нам видятся:

а) во всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств обвинения и на этой основе достоверном их установлении;

б) в выяснении истины по делу посредством исследования в суде доказательств, как собранных органами предварительного расследования, так и добытых сторонами и судом в судебном следствии;

в) в установлении виновности или невиновности подсудимого в инкриминируемом ему деянии и его наказании в случае признания виновным.

Ряд авторов (А. С. Кобликов, А. И. Муранов) традиционно относят к задачам судебного разбирательства по уголовному делу выяснение причин и условий, способствовавших совершению преступления, и принятие мер к их устранению, возлагая

тем самым на суд превентивно-воспитательную функцию. Диссертант глубоко убежден, что у судебного разбирательства должна быть одна, объединяющая всю процессуальную деятельность суда цель — правильное разрешение дела по существу, т. е. осуществление правосудия. Установление причин и условий, способствовавших совершению преступления, тоже должно служить общей цели — торжеству справедливости. Следовательно, предпосылки преступления подлежат доказыванию, но только в тех пределах, в которых они окажут содействие в установлении истинности обстоятельств элементов преступного деяния и его юридической оценке, а также в назначении виновному наказания. Обязанность суда выносить частное определение с целью устранения причин и условий, способствовавших совершению преступления, должна быть исключена из УПК как несвойственная правосудию. Такое реагирование должно быть прерогативой органов предварительного расследования.

Всех участников судебного разбирательства, включая лиц, имеющих личный правовой интерес в исходе дела, объединяет следующее:

они являются носителями соответствующих процессуальных функций, а потому их участие в деле постоянное, а не эпизодическое (как, например, у свидетеля, эксперта или специалиста);

им всем предоставлено равное право: а) заявлять ходатайства и б) представлять и исследовать доказательства.

Помимо субъектов, имеющих личный правовой интерес, к числу участников судебного разбирательства, обладающих статусом «стороны», относится прокурор, выступающий в суде с функцией обвинения.

Объем прав, которыми обладают лица в уголовном судопроизводстве, зависит от особенностей той или иной стадии процесса.

Процессуальные права сторон в судебном разбирательстве можно условно разделить на две группы: а) общие процессуальные права, которые принадлежат всем без исключения лично заинтересованным в исходе дела лицам; б) индивидуальные процессуальные права, предоставленные непосредственно каждому из них (например, подсудимому).

Механизм реализации этих прав несовершенен. Приведем только один пример: переводчик и эксперт в соответствии со ст. 66, 67 УПК подлежат отводу еще и в тех случаях, когда обнаружится их некомпетентность. Но как суд может прове-

ритель компетентность переводчика, эксперта или специалиста? Разве что по формальным критериям (специализация, образование, стаж работы, национальность).

Для любого участника судебного разбирательства — стороны в уголовном процессе немаловажно правильное решение вопроса о возможности слушания дела при неявке лиц, вызванных в суд в качестве свидетелей, ибо в такой ситуации возникает серьезная угроза невозможности осветить какие-то моменты дела, имеющие значение для того или иного участника судебного разбирательства.

Чтобы высказанное стороной мнение о возможности слушания дела в отсутствие неявившегося свидетеля опиралось на ее законные интересы, целесообразно соблюдать следующие условия.

Прежде всего, стороны должны знать, допрашивался ли неявившийся свидетель в ходе предварительного расследования или он был вызван судом по заявленному ходатайству в стадии назначения судебного заседания. Если он допрашивался следователем (или лицом, производившим дознание), то сторонам должна быть предоставлена возможность вспомнить суть его показаний (здесь можно воспользоваться выписками из соответствующих листов дела) и оценить, насколько они существенны в плане защиты их законных интересов. При высказывании в подобной ситуации мнения о возможности слушания дела сторонам следует также ориентироваться на причину неявки. Если она вызвана причиной, исключающей возможность прибытия свидетеля в суд (например, длительная тяжелая болезнь, продолжительная заграничная командировка, смерть), то его показания, данные на предварительном следствии, подлежат оглашению в суде. Это позволит рассматривать содержащиеся в них фактические данные в качестве допустимых доказательств, поскольку приговор основывается только на тех доказательствах, которые были рассмотрены в судебном заседании. Когда свидетель не явился в судебное заседание по не исключающим его явку в суд причинам (или причина неизвестна), то его показания, какими бы значимыми они ни были, в судебном следствии не должны оглашаться, а если оглашены, то не могут быть положены в основу приговора.

При решении данного вопроса возникает некоторая опасность поставить знак равенства между этими двумя видами неявок, хотя причины, исключающие возможность явки в суд,

всегда уважительны, но не всегда уважительные причины исключают такую явку.

Проблематичен для судебной практики вопрос о временном факторе причин, исключающих явку свидетелей в суд. Одни ученые и практики полагают, что причины эти должны исключать явку вызываемого лица на данное судебное разбирательство вообще. Другие же считают, что названные причины должны исключать явку вызываемого в суд лица только к началу судебного разбирательства.

Чтобы не было разнобоя в судебной практике, необходимо урегулировать этот вопрос путем внесения изменений в ст. 286 УПК. Пока же, думается, правомерно поступают те суды, которые признают основанием к оглашению показаний свидетеля те причины, которые не позволяют ему прибыть в суд на весь период рассмотрения уголовного дела.

Решение вопроса о возможности рассмотрения дела в отсутствие неявившихся лиц — важный момент в судебном процессе, поскольку здесь существенно затрагиваются интересы сторон. Поэтому автор полагает целесообразным ввести в УПК норму, обеспечивающую сторонам право на дополнительное ознакомление с показаниями неявившегося свидетеля, а если это необходимо, то и со всеми материалами дела, чтобы они обладали полной информацией о доказательствах. В свою очередь, в дополнение к ст. 261 УПК, определение суда по данному поводу целесообразно отнести к числу тех документов, которые при противоречивости мнений сторон в обязательном порядке выносятся письменно в совещательной комнате, что позволит суду более взвешенно подойти к принимаемому решению.

Несколько сложнее вопрос о возможности слушания дела в отсутствие эксперта. Уголовно-процессуальный закон не предусматривает случаев, когда личное участие эксперта в судебном заседании считается обязательным. Это обстоятельство можно объяснить тем, что заключение эксперта, данное им в ходе предварительного расследования, оглашается в судебном следствии, и поэтому изложенные в нем сведения являются доказательствами, которые могут быть положены в основу приговора. И все же назовем случаи, когда с мнением сторон о необходимости вызова эксперта суд, как правило, должен согласиться:

экспертное исследование на предварительном расследовании не производилось, однако проведение экспертизы, по мнению участника процесса, необходимо;

экспертиза в ходе предварительного расследования проводилась, но в ее производстве участвовало несколько экспертов, между заключениями которых имеются противоречия;

налицо необходимость допросить эксперта в целях разъяснения данного им заключения или некоторых его положений.

Диссертант полагает, что в двух последних случаях ходатайство должно быть удовлетворено судом в обязательном порядке, поскольку здесь требуется устранение противоречий в системе доказательств и установление достоверности заключения.

Судьба уголовного дела зависит главным образом от результатов судебного следствия, а о качестве его рассмотрения можно судить по уровню познавательной деятельности этой части судебного разбирательства. Только в ходе судебного следствия формируется фактическая основа будущего приговора.

Эффективность процесса исследования и проверки доказательств в судебном следствии, надежность выводов суда и в целом достоверность приговора с познавательной (гносеологической) точки зрения зависят от ряда факторов.

Первый фактор отражает количественный аспект процесса доказывания, т. е. установленное число доказательств (объем информации), подтверждающих или, наоборот, отрицающих те или иные обстоятельства, имеющие значение для дела.

Второй фактор — *разнообразие доказательств*. Действительно, доказательства, полученные из различных процессуальных источников, с помощью разнообразных процессуальных средств (допросов, очных ставок, судебных экспертиз, опознаний и др.), более «сильны» при формировании внутреннего убеждения суда, чем полученные с помощью одного и того же процессуального средства доказывания (например, путем допроса).

Третий фактор — *конкретность доказательств*. Чем конкретнее и содержательнее доказательство, чем логичнее и детальнее им устанавливаются единичные, а не общие обстоятельства по делу, тем больше ценности оно представляет в процессе познавательной деятельности судьи.

Четвертый фактор — *частота встречаемости* в объективном мире информации, содержащейся в конкретном доказательстве. Это значит, что чем больше реже встречающейся информации содержится в доказательстве, тем большей «доказательственной силой» оно обладает. Для процесса доказывания, для обоснованности внутреннего убеждения судей этот аспект весьма важен, поскольку малая повторяемость, нешаблонность доказательственной информации, отсутствие в ней общих, часто ни-

чего не говорящих данных, играет решающую роль в формировании внутреннего убеждения судей.

Пятый фактор — *системность доказательств*, их целенаправленное воздействие на установление одного и того же обстоятельства.

Разумеется, все эти факторы «присутствуют» в каждом уголовном деле, но в разном соотношении, и «сила установленных доказательств» существенно возрастает при их комплексном воздействии на формирование судейского убеждения в процессе познавательной деятельности.

Успешность выполнения судом задач осуществления правосудия во многом зависит от умения обоснованно подвести итог процессуальной деятельности суда, принять объективное, справедливое решение по делу. Между тем нормы УПК, регламентирующие форму и содержание судебного приговора, не содержат ответов на многие вопросы, касающиеся его изложения.

Законность приговора. Данное требование прямо вытекает из содержания ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации и ст. 13, 301, 304 и 347 УПК. Между тем ни одна из этих норм не раскрывает понятия законности как такового, в связи с чем ученые с разных позиций пытаются их комментировать. Одни делают акцент на процессуальной форме как гарантии законности приговора и на истинности примененного материального закона, умалчивая о таком важном, на наш взгляд, элементе, как обязательное соблюдение процедурных правил судопроизводства не только при постановлении приговора, но и на всех предыдущих стадиях и этапах уголовно-процессуальной деятельности по уголовному делу (Э. С. Куцова). Другие требование истинности материального права, примененного в приговоре, почему-то адресуют только одной отрасли права — уголовному закону (А. С. Кобликов).

С точки зрения автора, понятие законности приговора включает в себя:

- а) постановление приговора полномочным судом;
- б) соответствие приговора как по форме, так и по содержанию уголовно-процессуальному закону;
- в) строгое соблюдение требований процедурных правил уголовного судопроизводства не только при постановлении приговора, но и на всех предыдущих стадиях и этапах уголовно-процессуальной деятельности по делу;
- г) правильное применение уголовного закона при квалификации деяния и назначении наказания;

д) правильное применение норм иных отраслей права при разрешении вопросов, связанных с гражданским иском в уголовном процессе.

Обоснованность приговора как критерий его правосудности одни ученые (Е. В. Болдырев, О. А. Соя-Серко) связывают с соответствием изложенных в нем выводов о фактических обстоятельствах дела тем доказательствам, которые полным, всесторонне и объективно исследованы в суде, другие (А. С. Кобликов, Т. Г. Морщакова, Э. Ф. Куцова) считают приговор обоснованным, когда выводы суда, изложенные в нем, соответствуют не только фактическим обстоятельствам дела, но и фактам, имевшим место в действительности.

Диссертант не усматривает жесткой взаимосвязи между обоснованностью приговора и его истинностью, поскольку обоснованность приговора не всегда совпадает с истинностью обстоятельств, являющихся, по мнению суда, доказанными, а также с истинностью сведений о фактах, на основе которых суд пришел к этому выводу. Следовательно, обоснованность приговора как критерий правосудности формальна.

Мотивированность приговора. В уголовно-процессуальном законодательстве общее понятие мотивированности приговора отсутствует. Более или менее с ней «связана» ст. 314 УПК. Отсюда и полярность взглядов ученых по этому поводу.

По мнению автора, приговор должен содержать следующие мотивировки:

а) мотивировка выводов суда о достоверности положенных в основу приговора доказательств и несостоятельности отвергнутых;

б) мотивировка приговора при частичном подтверждении обвинения;

в) мотивировка в приговоре назначенного наказания.

Справедливость приговора. Справедливость как требование морали общества, как нравственная категория получила юридическое выражение уже в первых УПК РСФСР, а затем и в ныне действующем уголовно-процессуальном законодательстве (например, ст. 347 УПК). Иначе говоря, справедливость приговора как категория уголовного процесса представляет собой синтез нравственной и юридической категорий. Отсюда в справедливости приговора находят воплощение нравственность и законность как составляющие одного явления. Поэтому диссертант не представляет себе приговор законным, но безнравственным или же наоборот. Нонсенсом он считает и признание приговора законным, но несправедливым.

Глава четвертая «Теоретические основы и практика применения данных криминалистики, этиологии и других наук в деятельности военных судов» посвящена анализу судебных ошибок, допущенных военными судами при рассмотрении уголовных дел наиболее распространенных категорий и формулированию на этой основе соответствующих тактических и методических рекомендаций.

Уголовные дела об уклонении от военной службы являются наиболее «популярными» в практике военных судов (примерно 1/3). Рассмотрение этих небольших по объему и с простой фабулой обвинений дел, казалось бы, не должно вызывать у судов затруднений. Однако по каждому второму из изученных нами 500 уголовных дел либо допущены недочеты при исследовании доказательств, либо налицо неполнота и односторонность судебного следствия.

К преступлениям, связанным с уклонением от военной службы, УК РФ относит самовольное оставление части или места службы (ст. 337), дезертирство (ст. 338) и уклонение от исполнения обязанностей по военной службе путем симуляции болезни или иным способом (ст. 339). При этом каждая из названных статей содержит составы еще нескольких, внешне схожих, но отличающихся друг от друга по объективной и субъективной стороне, по субъекту деяний. Например, в ч. 1 ст. 337 УК предусмотрена уголовная ответственность за восемь видов уклонения от военной службы. Если к этому добавить ряд оценочных факторов, зафиксированных в примечаниях к ст. 337 и 338 УК РФ и объединенных понятием «стечение тяжелых обстоятельств», которые являются основанием к освобождению лица, уклонившегося от военной службы, от уголовной ответственности, то нетрудно представить себе требуемый объем познавательной деятельности суда для исключения судебной ошибки¹.

Нередко постановлению неправомерного приговора способствуют пробелы в исследовании данных о личности подсудимого, в особенности тех из них, которые определяют правомерность призыва на военную службу, и односторонний подход при установлении цели и мотива уклонения от военной службы. Эти две группы ошибок, наиболее характерные для дел анализируемой категории, выражают особенности их рассмотрения.

¹ В военных судах Уральского региона свыше 70% оправдательных приговоров приходится на дела, связанные с уклонением от военной службы. По 2/3 дел обвинение в суде претерпело изменения.

Данные философии, социологии, педагогики, психологии, психиатрии, криминологии позволяют систематизировать сведения о личности обвиняемого (подсудимого) следующим образом¹:

- а) социально-демографические данные;
- б) нравственно-психологические качества;
- в) социальные роли (поведение человека в различных сферах общественной жизни).

С учетом требований ст. 313 УПК к ним добавляются «иные сведения о личности подсудимого, которые имеют значение для дела».

Под *социально-демографическими* данными понимаются фамилия, имя, отчество, время и место рождения, образование, социальное положение, место работы подсудимого, отношение к воинской обязанности, судимость.

Нравственно-психологические качества включают в себя условия нравственного и физического формирования личности подсудимого в семье и школе, его потребности и интересы, нравственные ценности, черты характера, поведение в быту и на производстве, в прошлом и настоящем, в сложных жизненных ситуациях, отношение к семье, товарищам и т. д.

К данным, характеризующим социальный облик подсудимого, относятся занимаемая должность, трудовой стаж, участие в общественной жизни, отношение к труду, наличие воинских и других специальных и почетных званий, правительственных наград.

«*Иные сведения* о личности подсудимого, которые имеют значение для дела» — семейное положение, материальная самостоятельность, состояние здоровья как подсудимого, так и его близких родственников, наличие иждивенцев, жилищные условия и др.

Все указанные сведения подлежат обязательному исследованию в судебном следствии.

При возникновении сомнений в психической полноценности подсудимого особого внимания заслуживают следующие данные о личности.

1. Наследственная отягощенность в роду, т. е. не страдали ли родители, ближайшие родственники нервными или психическими заболеваниями, хроническим алкоголизмом, припадками, туберкулезом, венерическими заболеваниями, опухолями мозга.

¹ В основу классификации положены взгляды Е. Мартыничка (*Мартыничек Е.* Изучение личности подсудимого судом // Сов. юстиция. № 8. 1978. С. 14).

2. Характер, особенности личности и поведения ближайших родственников (бабушек, дедушек, отца, матери, братьев и сестер), материальной, жилищно-бытовой ситуации, моральной атмосферы в семье и отношений, сложившихся между подсудимым и остальными членами семьи, а также соседями и сослуживцами.

3. Протекание беременности и родов у матери (токсикоз, болезни во время беременности, патологические роды, не проводилось ли оживление плода, наложение щипцов и др.).

4. Перенесенные подсудимым в раннем возрасте и в дошкольном периоде детские инфекции и другие заболевания (корь, скарлатина, рахит, тяжелые ангины, нейроинфекции — менингит, энцефалит, арахноидит и др.), как они протекали, сопровождались ли мозговыми явлениями (высокая температура, головные боли, головокружения, тошнота, рвота, судороги, припадки, расстройства сознания, бессонница и т. п.) и как отразились на психическом и физическом состоянии подсудимого.

5. Основные черты характера в детстве (общительность, замкнутость, участие в детских играх и позиция подсудимого в них; наличие невротических явлений, страхов, эгоцентричности, капризов; отзывчивость, холодность, отвлекаемость, впечатлительность, мнительность, тревожность, ранимость, эмоциональная неустойчивость, повышенная возбудимость, уравновешенность, рассудительность, педантичность, организованность, дисциплинированность, трудолюбие и др.).

6. Учеба, трудовая и общественная деятельность: какие школьные дисциплины легче и труднее давались; особенности памяти, сообразительности и мышления; были ли задержки в учебе (дублирование классов) и по каким причинам (болезни, расстройства поведения, конфликты, материальные затруднения, психические и физические травмы и др.); какие взаимоотношения были с товарищами, учителями, родителями, внешкольные интересы и увлечения; участие в самодеятельности и общественной жизни школы; какие изменения в характере и успеваемости произошли в процессе учебы, как окончил школу; как сложилась в дальнейшем социальная и трудовая жизнь, продолжал ли учебу и где, как учился, менялись ли интересы и наклонности; поступил ли сразу на работу; как успевал в учебе или на работе, продвигался ли по службе; часто ли менял место работы (учебы) и по каким причинам; каковы были взаимоотношения с товарищами, подчиненными, начальством, родителями, сослуживцами; участие в общественной работе.

7. Перенесенные подсудимым до призыва на военную службу заболевания, травмы головы, ночное недержание мочи, снохождение, припадки и др., вредные привычки (курение, употребление алкоголя и наркотических веществ); тяжело ли протекали заболевания, где лечился; как чувствовал себя после болезни.

Судебно-психиатрическую экспертизу следует назначать только тогда, когда все эти сведения будут установлены в полном объеме.

Основным критерием разграничения самовольного оставления части и дезертирства (ст. 337 и 338 УК РФ) является субъективная сторона содеянного, т.е. цель уклонения от военной службы. Выяснение подлинной цели преступного поведения самовольно оставившего часть военнослужащего и ее доказывание всегда сложны для суда.

О том, что лицо, уклонившееся от военной службы, хотело дезертировать, могут свидетельствовать подлежащие исследованию три группы косвенных доказательств:

во-первых, факты, характеризующие поведение виновного после самовольного оставления части, а именно: фактическое длительное пребывание вне части и неиспользование при этом реальных возможностей для возвращения; переодевание в гражданскую одежду и уничтожение военной формы; уничтожение подлинных и приобретение подложных документов, удостоверяющих личность; проживание под чужим именем; стремление изменить свою внешность; попытки устроиться на работу или получить иной постоянный источник существования; сокрытие при общении с окружающими, а также при задержании своей принадлежности к армии;

во-вторых, обстоятельства, характеризующие отношение виновного к исполнению обязанностей по военной службе, объективные возможности их надлежащего исполнения, а также поведение виновного в период службы; высказывание сослуживцам недовольства по поводу трудностей военной службы и намерения уклониться от нее вовсе, недобросовестное исполнение служебных обязанностей, совершение в прошлом правонарушений либо преступлений, неблагоприятное состояние здоровья, объективно создавшее дополнительные трудности при выполнении служебных обязанностей, наличие неуставных взаимоотношений в подразделении и т.д.;

в-третьих, данные о личности подсудимого и условиях его воспитания до призыва на военную службу. Например, неблагоприятная моральная атмосфера в семье, где бытуют анти-

социальные взгляды, и формирование у подсудимого в связи с этим негативного отношения к выполнению гражданских обязанностей должны быть учтены наряду с другими данными при установлении цели преступного поведения.

Нередко подсудимый, отрицая умысел на дезертирство, утверждает, что на работу устраивался, чтобы оказать помощь семье. В таких ситуациях надлежит полно установить семейное и материальное положение подсудимого, необходимость такой помощи и реальность ее оказания.

Мотив как внутреннее побуждение к уклонению от военной службы формируется и проявляется обычно на протяжении достаточно длительного времени. О нем свидетельствует широкий спектр фактических данных. Например, негативное отношение к военной службе, нежелание переносить тяготы и лишения, связанные с ее несением обычно проявляются у виновного в повседневной деятельности, в разговорах с сослуживцами и т. д., хотя цель совсем уклониться от службы в армии при этом, как правило, скрывается. Поэтому все перечисленные обстоятельства должны рассматриваться как элемент предмета доказывания.

В отличие от других составов преступлений, предусмотренных ст. 339 УК РФ, членовредительство представляет собой преступление, в результате которого возникают реальные основания для освобождения лица от несения обязанностей военной службы.

По уголовным делам о членовредительстве процесс доказывания тоже имеет свои особенности: обязательно проводится судебно-медицинская экспертиза, истребуется заключение военно-врачебной комиссии о годности членовредителя к военной службе, в том числе и по психическому здоровью.

Процесс доказывания осложняется, когда членовредители дают показания о неосторожном причинении вреда здоровью. В таких случаях в стадии назначения судебного заседания судье необходимо тщательно изучить протоколы осмотра места происшествия, предметов одежды, орудия преступления, следственного эксперимента, а также заключения экспертов. Данные этих следственных действий необходимо сопоставить с показаниями обвиняемого и свидетелей. При возникновении противоречий планируются судебные действия по их устранению вплоть до осмотра места происшествия судом, проведения эксперимента, вызова новых свидетелей и т. д.

Немаловажное значение для правильного вывода приобретают результаты исследования данных о личности подсудимого,

характеризующих его отношение к военной службе, и поведения до членовредительства и после.

Нередко причиной членовредительства (как и самовольного оставления части) становятся порожденные «дедовщиной» факты глумления и издевательств. Суд обязан тщательно исследовать сведения об этих фактах, поскольку в определенных ситуациях обстоятельства, связанные с глумлением, побудившие военнослужащего к уклонению от военной службы, могут послужить основанием, исключаящим его уголовную ответственность по ст. 337, 338 и даже 339 УК РФ.

Исследования ученых показали, что общие вопросы суицида специфически преломляются в условиях армии и флота. При этом самоубийства среди военнослужащих встречаются в 5–7 раз чаще, чем среди гражданского населения. В числе военнослужащих, погибших за 1993–1997 гг. в результате происшествий и преступлений, доля самоубийств составила: 1993 г. — 17,9%, 1994 — 16,1%, 1995 — 19,2%, 1996 — 25,6%, 1997 — 29,9%. Более 80% самоубийств в армии и на флоте совершается военнослужащими, проходящими военную службу по призыву, в том числе 2/3 — солдатами и матросами первого года службы. На один случай самоубийства приходится до 5 попыток их совершения, в результате которых военнослужащие получают тяжелые травмы и увечья.

Такое положение объясняется многими факторами, одним из которых является наличие в армии так называемых неуставных взаимоотношений. Их жертвами нередко становятся наиболее уязвимые в психологическом плане лица, которые, не видя выхода из конфликтной ситуации, решаются на самоубийство.

Изучение 280 уголовных дел данной категории, рассмотренных военными судами Уральского региона, показало, что «ахиллесовой пятой» при их расследовании и судебном рассмотрении является установление причинно-следственной связи между насильственными действиями обидчика и суицидальным поступком потерпевшего.

Неоднородностью мотивов обуславливается многовариантность причин суицидального поведения потерпевшего, достоверное установление которых способствует правильному выводу о наличии или отсутствии причинной связи между суицидальным поступком и инкриминируемым виновному деянием.

Практика свидетельствует, что и по этим делам препятствием в достоверном определении причинной связи между противо-

правными действиями виновного и суицидальным поступком потерпевшего нередко является неполнота данных о личности, но теперь уже потерпевшего (суицидента), на которых должно основываться заключение экспертов о мотиве суицидального поступка.

Установлению в судебном следствии по названным делам подлежат такие данные о личности суицидента:

состав семьи и его изменения, род занятий, образование и поведение родителей, братьев, сестер, взаимоотношения в семье, ее жилищные и материальные условия, наличие родственников, привлекавшихся к административной и уголовной ответственности, отношение к этому в семье, характерные особенности семьи, увлечения, отношение к материальным и нравственным ценностям, правопорядку;

образование, полученное потерпевшим, и его влияние на общее развитие и состояние нравственности (сколько классов и какой школы окончил, где еще учился, как успевал в целом, по каким предметам лучше, какие давались хуже, дисциплина, участие в общественной жизни, кружках, увлечения, принадлежность к микроколлективам и их направленность, влияние старших товарищей, в чем усматривал их авторитет, потребности, интересы, взгляды, наклонности, герои для подражания, в том числе литературные, отношение к алкоголю, наркотикам и т. п.);

где и в качестве кого работал, как относился к труду, поощрения, взыскания, влияние коллектива, старших товарищей, руководства, участие в общественной жизни, был ли удовлетворен своим материальным и социальным положением;

характер, темперамент, состояние психического и физического здоровья, состоял ли на учете в лечебных заведениях и каких, не отягощена ли наследственность (психические болезни, алкоголизм и т. п. у родителей);

нарушения дисциплины, общественного порядка, правопорядка, привлекался ли к административной и уголовной ответственности, приводы в милицию и в связи с чем, отношение к этому;

допризывная военная подготовка;

с желанием ли шел на службу, поведение в армии, количество и характер поощрений и взысканий, за что они объявлялись, влиянием командиров, общественности, отдельных военнослужащих, участие в общественной жизни, принадлежность к микрогруппам (по признаку землячества, национальности, убеждений), выраженность жизненной позиции, увлечения,

интересы, поддерживал ли отношения с семьей, друзьями по учебе и работе, планы на ближайшее будущее.

Предлагаемый перечень может быть расширен или сужен в зависимости от конкретных обстоятельств дела и особенностей личности потерпевшего.

По делам анализируемой категории перед экспертами должны ставиться три группы вопросов:

1) *психиатрические* (определение наличия или отсутствия болезненных отклонений у суицидента до суицидального поступка или до призыва в армию, а также причинно-следственной связи между психическими расстройствами, если таковые имеются, и ситуацией — как поводом случайным, косвенным или основным);

2) *психологические* (выяснение индивидуальных особенностей суицидента, могущих предрасположить его к неверной реакции на обстоятельства, свойственные укладу армейской жизни);

3) *ситуационные* (установление обстоятельств, способствовавших появлению в части неуставных отношений, унижающих честь, достоинство личности, лишаящих потерпевшего права на защиту и нормальную службу).

При разрешении вопроса о причинной связи между психическим заболеванием, имевшимся у потерпевшего в период суицидального поступка, и неправомерными действиями подсудимого одним из главных моментов является точное установление судом времени возникновения болезни (до психотравмирующей ситуации, созданной подсудимым, во время или после). Это позволит экспертам сделать правильный вывод о степени детерминированности суицидального поступка имевшимся у потерпевшего психическим расстройством.

Анализ уголовных дел свидетельствует, что в период действия психотравмирующей ситуации на лицо, совершившее суицидальный поступок, часто одновременно влияло несколько психотравмирующих факторов. В одних случаях они имели равную значимость в формировании решения на самоубийство и его реализацию, в других — решающим был один из них. Чтобы определить причинную связь между действиями подсудимого и решением потерпевшего на суицидальный поступок, суд должен установить временные границы психотравмирующей ситуации.

Подчеркнем, что выводы экспертов должны основываться на достоверных исходных данных и согласовываться с совокупностью других доказательств, положенных в основу при-

говора. Если между выводами экспертов и другими доказательствами возникает коллизия, необходимо полно и всесторонне исследовать совокупность всех доказательств по делу в их взаимосвязи, выяснить причины противоречий между ними, сопоставить по временным факторам различные объективные данные относительно этих доказательств. Особое внимание при этом нужно уделять исследованию имевшегося насилия над суицидентом, его характера, системности и продолжительности.

Полной и всесторонней проверке подлежат все возможные версии, причем даже те, которые могут пребывать за пределами обвинения.

Дела, связанные с нарушением правил вождения и эксплуатации боевых, специальных и транспортных машин, обоснованно называются военными судьями в числе сложных.

Уголовная ответственность за соответствующие преступления предусмотрена ст. 350 УК РФ. Объектом их является установленный порядок вождения и эксплуатации боевых, специальных и транспортных машин, обеспечивающий безопасность их движения¹. Этот порядок регламентируется соответствующими уставами, наставлениями, инструкциями и приказами, в которых учитываются особенности вождения и эксплуатации военных машин по их назначению. Вместе с тем на военных водителей распространяются общие правила дорожного движения, поскольку вождение и эксплуатация военного транспорта, как правило, осуществляются на общих дорогах. Именно этой комплексной правовой урегулированностью действий военного водителя в большинстве своем обусловлены особенности судебного разбирательства данной категории уголовных дел. Кроме того, ст. 350 УК РФ предусматривает нарушение правил вождения и эксплуатации трех видов транспорта, в отношении каждого из которых дополнительно действуют частные правила вождения и эксплуатации. Субъектом данного преступления может быть только военнослужащий.

Транспортные средства, состоящие на вооружении, в зависимости от их назначения подразделяются на боевые, специальные и транспортные машины. Доказательствами, подтверждающими принадлежность транспортного средства к тому или другому виду, являются приказы соответствующих командиров по этому поводу, выписки из которых суд обязан исследовать.

¹ Объектом общеуголовных автотранспортных преступлений является общественная безопасность.

Согласно ст. 350 УК РФ объективная сторона рассматриваемого преступления может выражаться как в действиях, так и бездействии при вождении и эксплуатации определенного вида военной машины.

В отличие от состава преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, эксплуатация военных машин означает их использование по назначению и проведение необходимого технического обслуживания. Под нарушением правил эксплуатации военных машин следует понимать нарушение не любых норм и правил использования технических средств, а лишь тех из них, которые связаны с обеспечением движения.

Таким образом, суд, установив вид военно-транспортного средства, должен определить, какими специальными правилами регламентированы его вождение и эксплуатация, какие из этих правил были нарушены. После исследования механизма дорожно-транспортного преступления и установления его причин сопоставляются инкриминируемые виновному действия (бездействие) и соответствующие правила. Если при этом выявляются нарушения правил вождения и эксплуатации машин, устанавливается причинная связь между фактом нарушения и автопроисшествием.

Обязательный признак преступления, предусмотренного ст. 350 УК РФ, — наступление в результате автопроисшествия вреда здоровью потерпевшего, а именно: неосторожное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью человека или его смерть. Неполнота в исследовании этих последствий автопроисшествия тоже порой становится причиной судебной ошибки. Дело в том, что в отдельных случаях для лечения потерпевшего требуется длительное время, а сроки предварительного расследования ограничены, и следователь бывает вынужден назначить судебно-медицинскую экспертизу до полного его выздоровления. Эксперты же в такой ситуации не всегда могут дать заключение о тяжести всех телесных повреждений, причиненных потерпевшему. В результате уголовное дело поступает в суд с обвинительным заключением, в котором отсутствует указание на степень их тяжести.

Как в таком случае поступить суду? Ситуация создается патовая. Выход один: изменить либо материальный закон, либо процессуальный.

Кроме названных признаков анализируемый состав преступления отличается от общеуголовных транспортных преступлений специальным субъектом. Например, с точки зрения нару-

шения правил эксплуатации машин к числу таких субъектов относятся военнослужащие, выполняющие специальные обязанности по эксплуатации машин. В этой связи суд обязан изучить документы, подтверждающие должностное положение подсудимого, его общие и специальные обязанности по эксплуатации военной машины либо контролю за ее эксплуатацией.

Поскольку эксплуатация, а в отдельных случаях и вождение военных машин регламентируются специальными ведомственными нормативными актами, исследованию подлежат и эти материалы.

Обратим внимание еще на одну особенность названных уголовных дел. Согласно соответствующим приказам министра обороны военный водитель перед допуском к управлению транспортным средством должен пройти подготовку по вождению военных машин, а затем за рулем транспортного средства проследовать по маршруту заданной сложности 500-километровый марш, о чем делается соответствующая отметка в военном билете. Когда автопроисшествие в значительной степени обусловлено малым опытом вождения машины, исследованию вопросов, касающихся подготовки водителя, должно придаваться существенное значение.

Изучение уголовных дел показало, что военные судьи испытывают затруднения при проведении по автотранспортным преступлениям в суде эксперимента, осмотра места происшествия и экспертизы.

Доказательственная значимость результатов эксперимента во многом зависит от тактически правильно выбранного момента его проведения. Эксперимент целесообразно проводить после допросов подсудимого, свидетелей и потерпевших, что позволит сравнить их показания с результатами эксперимента, дать им оценку. В противном случае названные лица получают возможность изменить в суде свои показания и свести результат эксперимента к минимуму.

Эксперимент должен проводиться в условиях, максимально приближенных к тем, в которых произошли проверяемые события, а также неоднократно, чтобы исключить случайность полученных результатов и влияние на них субъективных факторов.

Осмотр судом местности обязателен в следующих случаях:

- 1) отсутствует протокол осмотра места происшествия;
- 2) протокол составлен поверхностно и не раскрывает всех деталей обстановки места происшествия;

3) при осмотре места происшествия допущены существенные нарушения процессуального закона, и его протокол не может служить источником доказательств (например, осмотр места происшествия был проведен с участием одного понятого);

4) в ходе судебного разбирательства выявились противоречия между показаниями допрошенных лиц и данными протокола осмотра места происшествия;

5) к протоколу осмотра места происшествия не приложены фототаблицы и схемы или их качество неудовлетворительно.

Решая вопрос о назначении экспертизы, судьи иногда переоценивают познавательные возможности эксперта, автотехника, возводя его заключение в ранг аксиомы. Чтобы исключить ошибку, прежде всего нужно проверить, на чем основаны выводы эксперта, соответствуют ли они описательной части заключения. Необходимо сопоставить описательную часть заключения и его выводы с другими доказательствами, выяснить, какие научные знания применил эксперт. Суд должен быть осведомлен и в компетентности лица, проводившего экспертизу.

Автотехническую экспертизу и допрос экспертов целесообразно производить в конце судебного следствия, т.е. тогда, когда будут исследованы необходимые для этого исходные данные.

Заключение автотехнического эксперта должно быть научно обоснованным, а его доводы подтверждены необходимыми расчетами, ссылками на правила дорожного движения и эксплуатации автотранспорта.

В заключении автор подводит итоги исследования.

Приложения представляют собой пояснительные схемы по рассмотренным вопросам.

* * *

В качестве итога отметим, что в настоящей работе сделана попытка исследовать наиболее, по мнению диссертанта, «животрепещущие» проблемы российского правосудия, отраженные в деятельности военных судов, и предложить пути их решения. Диссертант сознает дискуссионность отдельных положений исследования, однако рассчитывает на то, что они сыграют иницилирующую роль в дальнейшей научной разработке темы.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Судебное следствие. Вопросы теории и практики): Монография.— Екатеринбург, 1992.— 8,3 п. л. (в соавт.).
2. От преступления до приговора. О правах тех, кто волею судьбы стал участником уголовного процесса. Монография.— Екатеринбург, 1996.— 7,44 п. л. (в соавт.).
3. Современные проблемы российского правосудия в деятельности военных судов (вопросы теории и практики): Монография.— Екатеринбург, 1999.— 13,48 п. л.
4. Об оценке в приговоре экспертных заключений // Сов. юстиция.— 1982.— № 6.— 0,2 п. л.
5. Обеспечение проведения экспертизы в суде // Сов. юстиция.— 1983.— № 22.— 0,5 п. л.
6. Советскому суду — семь десятилетий // Красный боец.— 1987.— 15 дек.— 0,5 п. л.
7. Решение вопроса о назначении экспертизы в стадии предания суду // Бюл. Военной коллегии Верховного суда СССР и Управления военных трибуналов.— 1984.— № 2.— 0,4 п. л.
8. Некоторые вопросы применения криминалистических приемов и методов в процессе судебного разбирательства // Эффективность научно-технических исследований и введение их в практику расследования преступлений.— Свердловск, 1987.— 0,9 п. л.
9. Применение судом криминалистических методов в процессе доказывания // Бюл. Военной коллегии Верховного суда СССР и Управления военных трибуналов.— 1986.— № 3.— 0,1 п. л.
10. Суд товарищей // Красный боец.— 1988.— 24 марта.— 0,8 п. л.
11. Методика устранения судом противоречий в показаниях допрашиваемых лиц // Сов. юстиция.— 1989.— № 3.— 0,7 п. л.
12. Законодательная регламентация наказания в виде направления в дисциплинарный батальон нуждается в совершенствовании // Бюл. Военной коллегии Верховного суда СССР и Управления военных трибуналов.— 1990.— № 2.— 0,3 п. л.
13. Судебное следствие и криминалистика // Сов. юстиция.— 1990. № 8.— 0,5 п. л.
14. Захват заложников — самостоятельный вид преступных посягательств // Бюл. Военной коллегии Верховного суда СССР и Управления военных трибуналов.— 1990.— № 4.— 0,3 п. л. (в соавт.).
15. Шинель Фемиде не к лицу // Комс. правда.— 1991.— 17 сент.— 0,8 п. л.

16. К вопросу о реформе военных судов // Рос. газ.— 1991.— 6 нояб.— 0,5 п. л.
17. Нуждается ли в реформе институт народных заседателей? // Сов. юстиция.— 1991.— № 17.— 0,5 п. л.
18. Криминалистическая характеристика хищений оружия и боеприпасов из воинских частей и учреждений // Актуальные проблемы борьбы с преступностью. Екатеринбург, 1992.— 0,6 п. л.
19. Зачем юристу военный мундир (к вопросу о независимости военных судей) // Человек и право.— 1992.— № 11.— 0,4 п. л. (в соавт.).
20. Об участии переводчика в суде // Сов. юстиция.— 1993.— № 8.— 0,5 п. л. (в соавт.).
21. Оpozнание в суде // Сов. юстиция.— 1993.— № 14.— 0,5 п. л.
22. Общество определяется ролью суда // Человек и право.— 1993.— № 13.— 1 п. л.
23. Вам предоставлено право // Военный железнодорожник.— 1993.— № 19.— 0,8 п. л.
24. Нужны ли правосудию представители общественности // Сов. юстиция.— 1993.— № 18.— 0,3 п. л. (в соавт.).
25. Каждый правый имеет право // Уральские военные вести.— 1993.— 11 окт.— 0,8 п. л.
26. Новая функция военных судов // Сов. юстиция.— 1994.— № 3.— 0,5 п. л.
27. На министерское «нет» и суда нет (к вопросу о независимости военных судей) // Комс. правда.— 1994. 27 янв.— 0,2 п. л.
28. Лейтенант против генерала (к вопросу о возрастании правозащитной роли военных судов) // Юрид. вестн.— 1994.— № 2.— 0,4 п. л.
29. Процессуальная деятельность судьи при назначении судебного заседания // Рос. юстиция.— 1994.— № 10.— 0,8 п. л. (в соавт.).
30. Суд присяжных в России // Информационно-аналитич. бюллетень Ассоциации юристов Свердловской области.— 1994.— № 4.— 0,1 п. л.
31. Если в армию призван больной (к вопросу о судебной защите лиц, признанных негодными к военной службе) // Рос. юстиция.— 1995.— № 5.— 0,7 п. л.
32. Независимый суд: миф и реальность // Юрид. вестн.— 1995.— № 29.— 0,8 п. л. (в соавт.).
33. Без вины виноватые (к вопросу о судебной реабилитации лиц, не являющихся субъектами воинских правоотношений) // Бюл. Союза офицеров.— 1995.— № 1.— 0,5 п. л.

34. К вопросу о справедливости, правосудии и законности // Бюл. Свердловского областного совета родителей и членов семей военнослужащих. — 1995. — № 1. — 0,5 п. л.

35. Судебная реформа: надежды и реальность // Рос. юрид. журнал. — 1995. — № 2. — 0,5 п. л.

36. Вновь о некоторых процессуальных аспектах судебного контроля за арестом и продлением срока содержания под стражей // Бюл. Военной коллегии Верховного суда РФ и Управления военных судов. — 1995. — № 2. — 0,5 п. л.

37. Суд не обвиняет, суд не защищает, суд разрешает дело // Рос. юстиция. — 1995. — № 9. — 0,5 п. л.

38. Судебный контроль за арестом: проблемы и перспективы // Законность. — 1996. — № 3. — 0,8 п. л.

39. Стадия назначения судебного заседания // Рос. юстиция. — 1996. — № 3. — 0,8 п. л.

40. Реформа уголовного судопроизводства в России: надежды и реальность // Вестн. Удмуртского университета. — 1996. — № 1. — 1,3 п. л. (в соавт.).

41. Некоторые процессуальные аспекты назначения судебного заседания и порядка предварительного слушания в суде присяжных // Государство и право. — 1996. — № 6. — 0,1 п. л. (в соавт.).

42. Контрольные функции суда // Рос. юстиция. — 1996. — № 11. — 0,3 п. л.

43. Заметки о судебной реформе в России // Юрид. вестн. — 1996. — № 5, 7, 8. — 0,8 п. л. (в соавт.).

44. Обеспечение прав участников процесса в первой судебной стадии — важная гарантия правосудия // Бюл. Военной коллегии Верховного суда РФ и Управления военных судов. — 1996. — № 4. — 0,3 п. л.

45. К вопросу о соотношении права, правосознания и правосудия в Вооруженных Силах // Рос. юрид. журнал. — 1996. — № 4. — 1 п. л.

46. Выездные процессы? Я — против! // Рос. юстиция. — 1997. — № 5. — 0,4 п. л.

47. Конституционное право граждан Российской Федерации на справедливое судебное разбирательство в условиях Вооруженных Сил // Российская Федерация в Совете Европы: проблемы применения норм о защите прав человека. — Екатеринбург, 1997. — 0,3 п. л.